

Рейнеке-лис. Иоганн Вольфганг Гёте

Дорогие юные читатели!

Я думаю, что кое-кто из вас знает, что свое прославленное произведение «Рейнеке-лис», созданное в 1794 году, великий немецкий поэт написал не прозой, а стихами.

Поэма эта переводилась и на русский язык. Последний русский стихотворный перевод также принадлежит мне.

Почему же я переработал свой стихотворный перевод и предлагаю вам, школьникам среднего возраста, прозаический пересказ поэмы Гёте?

Дело вот в чем. Поэма написана стихотворным размером гекзаметром, тем самым, каким написаны «Илиада» и «Одиссея» Гомера и другие произведения древних. Писали гекзаметром и русские поэты-классики.

Современные поэты редко пользуются этим размером, а наша школьная молодежь, кроме тех, кто специально интересуется поэзией, гекзаметрические тексты читает с некоторым затруднением. Затруднение это вызывается тем, что строка гекзаметра, состоящая в основе своей из шести равномерных отрезков (стоп), по три слога в каждой стопе и с ударением на первом из трех слогов, очень часто усекается, теряет один или несколько слогов, и это как бы нарушает плавное течение стиха.

Так вот: чтобы не затруднить большинству из вас, дорогие юные читатели, первое знакомство с великим произведением Гёте, которое не только увлечет вас своим содержанием и доставит вам немало веселых минут своим блестящим остроумием, но и послужит художественной иллюстрацией при изучении вами на уроках истории европейского феодализма, я и решил пересказать вам «Рейнеке-лиса» прозой.

Все же я надеюсь, что со временем многие из вас захотят пополнить свои впечатления и заинтересуются полным стихотворным переводом гениальной сатирической поэмы великого Гёте. А те, кто, повзрослев, будет достаточно хорошо знать немецкий язык, может быть, обратятся и к самому немецкому оригиналу поэмы.

Лев Пеньковский

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Был чудесный весенний праздник — троицын день. В зеленые одежды нарядился лес, мягким нежно-зеленым ковром покрылись поля. На горах и холмах, на деревьях, в кустах и на оградах садов снова запели звонкоголосые птицы. Долины и луга запестрели и сладко запахло цветами. Разукрасилась земля, празднично сияло небо.

Король зверей и птиц, лев по имени Нобель, собирался задать в своем дворце веселый пир. Ко всем знатым четвероногим и крылатым вельможам королевства были разосланы гонцы с приглашением. Отказаться никто не имел права.

Постепенно все собрались. Не хватало только Рейнеке-лиса. Слишком уж много преступлений совершил этот плут, чтобы рискнуть показаться на глаза тем, кого он обидел. А не пострадал от него один только барсук Гримбарт, да и тот доводился лису племянником.

Трудно было сосчитать все жалобы, которые поступали на лиса.

Вот и теперь, едва только гости собрались, как вперед вышел волк Изергим в окружении своих родных и друзей.

— Милостивейший наш государь! — начал он свою речь. — Всем известно, какой вы великий и мудрый правитель, всем известны ваши доброта и справедливость. Примите же мою жалобу на Рейнеке-лиса, от которого я натерпелся слишком много горя и позора. Он не раз гнусно оскорблял мою жену, он искалечил моих бедных детей, трое из которых ослепли. Я мог бы рассказывать о его преступлениях целую неделю и то не пересказал бы всего. Мое терпение иссякло, государь, и я должен ему отомстить во что бы то ни стало!

Потом песик Пустолайчик стал было рассказывать по-французски, как Рейнеке похитил у него зимой последний кусочек колбасы. Но тут, злобно шипя, вскочил со своего места раздраженный кот Гинце.

— О великий наш государь! — вкрадчиво промяукал он. — Поверьте, что никто во всем этом почтенном собрании не пострадал от Рейнеке так, как вы сами. Лис подрывает ваш авторитет — многие боятся его теперь больше, чем вас, своего короля. А собачья жалоба — глупость, и Пустолайчику следовало бы помалкивать. Ведь колбаса, о которой он тут рассказывает, была не его, а моя! А дело было так. Отправился я однажды ночью на охоту. Иду — на дороге мельница. Я вошел. Хозяйка спала. Я увидел колбасу и унес ее...

Грозное рычание леопарда заглушило последние его слова:

— Довольно болтать! Всем известно, что Рейнеке вор и разбойник, способный на любое преступление. Всем известно, что лакомый кусок для него дороже чести всего дворянства. Не далее чем вчера он прикинулся вдруг кротким, богобоязненным пастырем и вздумал учить нашего скромного и безобидного зайца Лямпе молитвенному пению. Сели они друг против друга и стали петь псалмы. Но не о молитвах думал Рейнеке. Я как раз проходил мимо, когда он внезапно схватил зайца за горло и тем самым, мой государь, нарушил ваш строгий указ о мире между зверями. Конечно, он задушил бы Лямпе, если б не я. Посмотрите на бедного зайца! Взгляните на его раны!

— Горе тем, кто еще верит Рейнеке! — снова вмешался волк Изергим. — Если негодяй и на сей раз останется безнаказанным, он их всех надует при первом же случае...

— Уважаемый Изергим! — оборвал волка барсук Гримбарт, который, позабыв всякий стыд, взялся защищать своего мошенника дядю.

— Как же хитро и искусно плетёте вы на Рейнеке! А между тем разве в свое время с лисом союз? Разве не вы клялись ему в вечной дружбе? И, наконец, разве не вы причинили ему потом столько зла?

Вспомните хотя бы, как однажды вы и Рейнеке повстречали на дороге крестьянина с полным возом рыбы и вы уговорили моего дядю-лиса лечь посреди дороги и прикинуться мертвым. Рейнеке согласился, хотя и рисковал при этом жизнью. Крестьянин уже замахнулся на него топором, и стоило дяде хотя бы вздрогнуть, тут бы ему и конец! Но тот решил, что дядя Рейнеке действительно мертв. Он бросил его на кучу рыбы и, размечтавшись о том, какой роскошный воротник на шубу получит его жена, поехал дальше. Тем временем Рейнеке потихоньку пошвырял всю рыбу на дорогу. И что же? Когда он наконец прыгнул с воза, чтобы полакомиться рыбкой, оказалось, что вы, Изергим, сами уплели все, оставив своему другу только рыбьи кости.

В другой раз вы и Рейнеке решили похитить у одного крестьянина свежую свиную тушу. Дядя влез в окно кладовой и выбросил тушу вам, но тут на него напали собаки и жестоко его потрепали. Когда же он, весь израненный, пришел к вам за своею долей, вы, Изергим, не моргнув глазом заявили, что оставили для него самый лучший кусок сала, и с этими словами дали лису палку, на которой раньше висела свинина. И таких ваших проделок я мог бы назвать хоть целую сотню.

Теперь, мой великий и благородный государь, позвольте мне сказать несколько слов о случае с зайцем Лямпе. Это правда, Рейнеке задал ему трепку, но ведь за то, что заяц плохо выучил слова молитвы! Так неужели учитель не вправе наказывать своих учеников за лень и невниманье? Кто может осудить его за такой поступок?

О колбасе, о которой скупил здесь песик Пустолайчик, лучше вообще не упоминать. Ведь, как вы сами изволили слышать, мой государь, колбаса эта была краденая, и мой дядя имел полное право наказать вора и отнять у него незаконно присвоенное. Мне кажется, следовало бы даже наградить за это Рейнеке. Увы, мой дядя видит так мало благодарности за свою неустанную борьбу с преступлениями! Что же касается вашего указа о мире, то никто не блюдет его строже, чем Рейнеке. С того дня, как указ был издан, он не берет больше в рот мяса и питается только растительной пищей. Мало того, он решил стать благочестивым отшельником, сменил роскошные одежды на грубую власяницу^[1] и, отказавшись от своего замка Малепартус, строит себе скромную монашескую келью. А как он побледнел, как исхудал! Будь он сам здесь, он бы лучше, чем я, сумел посрамить своих врагов и опровергнуть их клевету!..

Барсук Гримбарт умолк. И тут во двор королевского замка с мрачным видом торжественно вступил петух Геннинг. Справа и слева от него выступали старшие его сыновья, красавцы богатыри Кукарек и Звонкопев. Следом за ними два их младших брата несли носилки, на которых лежала их обезглавленная сестра, курочка Скребоножка, — последняя жертва злодея Рейнеке.

— Милостивый король! — с глубоким вздохом сказал Геннинг, подойдя ко льву Нобелю. — Умоляю о сострадании мне и моим детям в нашем тяжелом горе! Этой весной, когда все зазеленело и зацвели первые цветы, и я был счастливейшим отцом большого семейства. Десять сыновей и четырнадцать дочерей воспитала моя жена за одно только прошлое лето. Все дети были крепкие, здоровые и с малолетства умели сами находить себе корм. Мы живем при богатом монастырском дворе, где нас охраняют шесть больших собак. Но не по душе пришлась Рейнеке-лису наша мирная и счастливая жизнь! Часто шнырял он ночами под стенами монастыря и пытался пробраться в ворота. Зачуяв его, собаки поднимали тревогу, но он каждый раз удирал. Только раз они изрядно покусали его, но он унес ноги и оставил нас в покое ненадолго.

А недавно появляется вдруг в монастыре в одежде святого отшельника и приносит ваш королевский указ. Я читаю его и узнаю, что вы провозгласили навеки мир между всеми животными и птицами. А Рейнеке-лис уверил меня, что отныне он стал смиренным отшельником, и поклялся искупить все свои грехи, в которых теперь чистосердечно признается. «Пусть, — сказал он, — меня никто больше не боится. Я никогда больше не буду питаться ничьим мясом, а значит, ни на кого не буду нападать».

Он дал мне пощупать свою монашескую рясу и грубую власяницу под ней и дружелюбно сказал:

«Да хранит вас бог! Будьте здоровы!»

С этими словами он ушел, читая молитву, хотя уже тогда таил в душе свой злодейский замысел.

Вне себя от радости я поспешил к своей семье и сообщил ей о вашем королевском указе. Ах, как счастливы были моя жена и мои дети! «Если Рейнеке стал монахом, думали мы все, нам некого больше опасаться».

И тогда я впервые решился выйти с детьми погулять за монастырскую ограду. Только мы вышли — из-за кустов как выскочил лис и схватил лучшего из моих сыновей! С этого дня нам не стало житья. Ни охотники, ни собаки не могли уберечь нас от злодея! Из двадцати четырех моих детей не осталось в живых никого — он, проклятый, зарезал! Не далее как вчера разбойник погубил последнюю мою дочь! Собаки спасли только ее обезглавленный труп. Вот он здесь, перед вами. Пожалейте же нас, государь, заступитесь!

Грозно нахмурился король, подозвал барсука Гримбарта, который так ревностно защищал Рейнеке-лиса, и сказал:

— Вот, оказывается, как постится и искупает свои грехи ваш скромный дядюшка! Что ж, скоро придется ему действительно покаяться. Мы созовем совет и решим, как нам покарать этого неисправимого мерзавца.

Король приказал отслужить панихиду по убиенной курочке и возложил на ее могилу красивую мраморную плиту с такой надписью:

ЗДЕСЬ ПОГРЕБЕНА СКРЕБОНОЖКА,

ДОЧЬ МНОГОУВАЖАЕМОГО ПЕТУХА ГЕННИНГА.

ОНА НЕСЛАСЬ ЛУЧШЕ ВСЕХ И ЗАМЕЧАТЕЛЬНО СКРЕБЛА ЗЕМЛЮ.

ЕЕ ПОГУБИЛ РЕЙНЕКЕ-ЛИС.

ПУСТЬ ЗНАЕТ ВЕСЬ МИР, КАКОЙ ЭТО КОВАРНЫЙ ЗЛОДЕЙ!

Вскоре король созвал своих умнейших придворных советников. Было решено послать к дерзкому преступнику гонца, дабы он привел его на королевский суд. Выбор пал на медведя Брауна.

— Будьте с этим негодяем осторожны! — наставлял его король. — Рейнеке зол и коварен. Он пойдет на любые плутни: будет льстить, обманывать, изворачиваться, как только он умеет...

— Э, нет, дудки! — зарычал медведь. — Будьте спокойны, государь! Пусть этот негодяй только попробует меня одурачить! Клянусь вам, я так с ним разделаюсь, что он своих не узнает!

И Браун с решительным видом отправился в путь.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Долго шел медведь Браун, пока позади осталась огромная песчаная пустыня и он добрался наконец до гор, где обычно охотился хитрый лис. Много укрепленных замков понастроил Рейнеке в этих местах, но самым большим, надежным и неприступным из них был Малепартус. Подойдя к его крепко запертым воротам, Браун потоптался немного на месте, а потом рывкнул во всю медвежью глотку:

— Дома ли вы, кум Рейнеке? Это я, медведь Браун! Меня к вам прислал сам король. Он поклялся, что вы явитесь на его королевский суд, и я должен вас туда привести. Идемте скорей! В противном случае вы заплатите жизнью. За неявку в суд грозит виселица. А уж суд разберет, виновны ли вы или нет! Поторопитесь!

Рейнеке все это отлично слышал. Он лежал и прикидывал в уме, как бы ему отомстить косолапому грубияну за такое нахальство.

Замок Рейнеке был выстроен очень хитроумно: много было в нем нор, подземелий, переходов, узких лазеек и темных тупичков, много потайных дверей. Лис мог при первой же опасности спрятаться здесь так, что никому бы его не найти. К тому же разные глупые зверюшки часто попадались разбойнику в этих подземельях.

Убедившись в том, что медведь пришел один, Рейнеке вышел ему навстречу и воскликнул:

— Дорогой мой дядюшка Браун! Здравствуйте! Простите, что заставил вас ждать, но я как раз читал вечернюю молитву. Большое спасибо, что вы пришли! Удивляюсь только, как это король не пожалел вас и послал в такой трудный путь! Боже, как же вы вспотели и как задыхаетесь! Впрочем, я очень рад, что пришли именно вы. Надеюсь, вы поможете мне при дворе, где меня так зло оклеветали. Я и сам собирался отправиться завтра к королю, хотя мне и нездоровится. Я вчера слишком много съел кое-чего, и у меня начались страшные рези в желудке...

— Ох, друг мой, — перебил его медведь, — а что именно вы вчера съели?

— Да какая вам разница? — ответил хитрый лис. — Я ведь бедняк, питаюсь тем, что есть. А за неимением лучшего приходится есть даже такую дрянь, как мед. Правда, этого добра здесь сколько угодно, но я ем его лишь в крайнем случае. От него ужасно пучит живот. Страшная гадость!

— Боже мой, что я слышу! — вскричал обиженно Браун. — Как! Вы ругаете мед, о котором другие мечтают?! Ведь это же самая вкусная вещь на свете! Мед! Я его так люблю! Доставайте мне меду, и вы не пожалеете. Я вам тоже смогу пригодиться!

— Вы не шутите? — спросил рыжий плут.

— Что вы! Ей-богу! — поклялся медведь.

— Ну, если так, — сказал Рейнеке, — то этим я могу вам удружить. Неподалеку отсюда есть деревня, в которой живет плотник Рюстефиль. Меду у него столько, сколько ни вы, ни все ваше медвежье племя не видывали за всю свою жизнь.

У Брауна даже слюнки потекли — так захотелось ему меда.

— Дружище! — рывкнул он. — Отведите меня туда, и я буду навеки вам признателен! Если бы вы знали, как мне хочется меду!

— Что ж, идемте, — предложил ему Рейнеке. — Хотя я и не совсем здоров, я все же провожу вас туда. Только помните — услуга за услугу. За это вы поможете мне опровергнуть жалобы моих врагов при королевском дворе. А медом я накормлю вас до отвала.

Рейнеке пошел вперед. Браун в полном восторге шел за ним. «Ну и наемся же я меду!» — мечтал он. А мошеник лис представлял себе, как крестьянские дубинки вскоре будут молотить косолапого дурня.

Наступил вечер, и Рейнеке знал, что плотник в это время уже находился в постели. Во дворе у Рюстефиля лежал толстый дубовый чурбан, расклиненный с одной стороны двумя здоровенными колыями, так что в чурбане образовалась широкая длинная трещина.

— Кум Браун, — шепнул коварный лис, — видите этот чурбан? В нем столько меду, что вам и не снилось! Засуньте морду поглубже в трещину — и ешьте на здоровье. Только не жадничайте, а то вас может стошнить.

— Что ж я, по-вашему, обжора? — обиделся медведь и засунул в щель не только морду по самые уши, но и передние лапы.

Рейнеке, который только и ждал этого, не зевал: он быстро выдернул клинья, и щель сразу сжалась, защемив морду и лапы Брауна. Огромная колода превратилась в капкан.

Браун был очень силен, не считался он и трусом, но тут ему пришлось хлебнуть горя. Он рычал и ревел, бешено рыл землю задними лапами, однако вырваться не мог. От шума проснулся плотник и, схватив топор, выскочил из дому.

Медведь в ужасе заметался. «Видно, мне пришел конец!» — подумал он. Рейнеке был того же мнения. Завидев издали плотника, он стал издеваться над несчастным медведем:

— Как дела, кум Браун? Не налегайте так на мед. Плотник Рюстефиль угостит вас сейчас кое-чем повкуснее. Кушайте на здоровье!

С этими словами лис убежал к себе в Малепартус.

Тут плотник заметил медведя и кинулся в трактир, где пили пиво его односельчане.

— Скорей! За мной! — звал он. — У меня во дворе попался дурень медведь!

Крестьяне вскочили со своих мест и побежали за плотником, хватая на бегу все, что попадалось под руку: кто вилы, кто топор, кто мотыгу, а кто и просто колья. Бежал поп, за ним церковный служка с большим церковным подсвечником, и фрау Ютта, кухарка попа, волочила за собой прялку: ей тоже хотелось намылить шею несчастному Брауну.

Услышав весь этот переполох, Браун рванулся изо всех сил и вырвал наконец из колоды голову и при этом ободрал ее по самые уши. Потом он вырвал и лапы, но оставил в щели кожу и когти. От страшной боли Браун совсем обезумел. Ах, это совсем не пахло медом, который обещал ему Рейнеке! Передние лапы медведя были так изранены, что он не мог держаться на ногах, не то чтобы бежать.

А тут уже на него навалилась целая толпа. Все хотели погибели медведя, все избивали его кто колом, кто лопатой. Даже священник лупил его длинной жердью. Вдобавок на него обрушился град камней.

Брат плотника так трахнул медведя увесистой дубиной по черепу, что тот и света невзвидел. В отчаянии он встал на дыбы и двинулся на женщин. Те завизжали, шарахнулись назад, и некоторые из них угодили прямо в реку. А место там было глубокое.

— Люди, смотрите! Моя кухарка тонет! — в ужасе закричал священник. — Мужчины, спасайте! В награду поставлю две бочки пива!

Оставив медведя, крестьяне бросились в воду и, слава богу, вытащили всех пятерых женщин.

Бросился в реку и Браун. Он решил, что лучше ему утопиться, чем терпеть эти позорные побои. Браун никогда раньше не плавал и решил, что сразу же пойдет ко дну. Однако он неожиданно почувствовал, что плавает, что течение уносит его все дальше. Крестьяне закричали:

— Мы его упустили! Нас же все засмеют!..

Но, осмотрев колоду, из которой вырвался Браун, они повеселели:

— Ха-ха-ха! Ты еще вернешься, косматый! В залог ты оставил нам свои уши!

А Браун плыл все дальше по течению и, когда отплыл далеко, кое-как выполз на отмель. Ни один зверь никогда еще не был так жалок. Он не надеялся дожить и до утра.

— О Рейнеке!.. — стонал он. — О лживый, коварный предатель!..

И, вспоминая побои мужиков, он снова и снова проклинал коварного лиса.

Между тем Рейнеке, угостив кума-медведя таким чудесным медом, сбегал в одно местечко, цапнул там курочку, быстро уплел ее на ходу и бежал теперь по берегу, временами останавливаясь и лакая воду.

«Как хорошо, что я отправил на тот свет этого остолопа медведя! — думал он, уверенный, что плотник отлично угостил Брауна топором. — Медведь всегда не любил меня. Что ж, теперь мы поквитались, наконец-то я избавлюсь от его ябед и пакостей!»

Тут Рейнеке повернул голову и увидел неподалеку лежащего Брауна. Ох и досада взяла лиса: «Он жив, косолапый! Эх, Рюстефиль, Рюстефиль! Да ты просто олуж! Ты отказался от такого жирного и вкусного блюда! Люди поважнее тебя и те мечтают полакомиться медвежатиной».

— Дружище, какими судьбами?! — обратился он к медведю. — Вы ничего не забыли у плотника? Я бы охотно сообщил ему, где вы находитесь! А как понравился вам мед и сполна ли вы за него расплатились? Что ж вы молчите? Ой, да вы, кажется, лишились своего чубика и обеих перчаток! Или вы готовитесь стать монахом и негодный цирюльник выбрил вам макушку, а заодно и уши отхватил?[2]

Браун молча терпел эти злые насмешки. Наконец, чтобы не слышать больше наглого лиса, он снова бросился в воду. Отплыв подальше по течению, он вылез на пологий берег и тут же упал почти без сознания.

— Неужели не суждено мне вернуться ко двору короля? — жалобно скулил он. — Неужели я должен погибнуть здесь, опозоренный подлым Рейнеке? Только бы мне выжить, уж ты, негодяй, попомнишь меня!

Кое-как он все же поднялся на ноги и целых четверо суток добирался до королевского дворца. Увидев его в таком плачевном виде, король Нобель пришел в ужас.

— Боже! — воскликнул он. — Вы ли это, Браун? Кто же это вас так изуродовал?!

И Браун грустно ответил:

— Это все наглый преступник Рейнеке. Это он меня предал, опозорил, подверг неслыханным побоям и издевательствам.

Король был вне себя от гнева.

— Ну, за такое злодейство я с ним расправлюсь беспощадно! — сказал он. — Рейнеке посмел опозорить столь уважаемого вельможу, как Браун! Клянусь честью своей и короной, что лис не останется безнаказанным!

Король тут же созвал совет, чтобы назначить злодею справедливую кару. Советники, однако, решили, что нужно вызвать Рейнеке еще раз, пусть он лично даст объяснения на все жалобы, и предложили послать за ним кота Гинце. Король одобрил их выбор.

— Оправдайте наше доверие, — напутствовал он Гинце, — и скажите этому плуту, что если он вообразил, что я буду в третий раз за ним посылать, то плохо придется не только ему, но и всем его ближним...

Кот Гинце попробовал отказаться:

— Ваше величество! И исполню все, что вы прикажете, но, право же, лучше послать кого-нибудь другого: я так мал и слабосилен. Браун, великан и силач, и тот ничего не успел. Как же справлюсь я? Простите меня, государь, но увольте от этой чести...

— Нет, — ответил король, — ты меня не убедишь. Часто бывает, что тот, кто с виду мал и незначителен, более сметлив и мудр, чем тот, кто и ростом велик и держит себя важной персоной. Ты, правда, не из великанов, зато образован, умен и находчив.

Кот поклонился и сказал:

— Воля короля для меня закон. Я согласен.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Когда кот Гинце подошел к Малепартусу, он застал Рейнеке сидящим около своего замка.

— Добрый вечер! — поклонился ему кот. — Знайте, что король грозит вам смертью, если вы снова не явитесь на суд. Пострадаете не только вы, но и все ваши родные и близкие.

— Здравствуйте! — любезно ответил ему рыжий лицемер. — Привет вам, мой дорогой племянник! Дай вам бог всего, что я вам желаю!

А сам он тем временем уже ломал себе голову, как бы ему и этого королевского посла спровадить.

— Чем бы, мой милый племянник, — продолжал он ласково, хотя кот и не доводился ему родней, — чем бы мне угостить вас? На сытый желудок спится лучше. А утром мы вместе пойдем ко двору. Из всех моих родственников я верю только вам одному. Этот обжора медведь чересчур нахален. Он силен и свиреп, и с ним я ни за что не пошел бы. А с вами я пойду охотно.

Гинце попытался уговорить лиса двинуться в путь, не дожидаясь утра.

— Сегодня, — сказал он, — ночь лунная, в степи светло, дорога суха и спокойна.

Однако Рейнеке возразил:

— И все-таки путешествовать ночью небезопасно.

— А если бы, дядя, я остался, — спросил тогда Гинце, — чем бы вы меня угостили?

— Мы сами едим что придется, — ответил лис. — Но если вы останетесь, я угощу вас самым лучшим медом.

— Медом?! — обиженно пробурчал Гинце. — Да я его сроду не ел! Если у вас нет ничего получше, дайте мне хотя бы мышку.

— Что?! Вы любите мышей?! — воскликнул Рейнеке. — Прекрасно! Уж этим-то я вас накормлю! По соседству живет сельский поп. У него в амбаре не счесть мышей! Хоть возом их вывози!

Тут Гинце и брякни:

— Отведите меня туда! Прошу вас! Ничего так не люблю, как мышатину!

Рейнеке даже подпрыгнул от радости:

— Ну, значит, у вас будет великолепный ужин! Не будем задерживаться. Скорее!

Отправились. Пришли они к амбару, стали под глинобитной стеной. Накануне лис прорыл в ней лазейку и выкрал у священника лучшего петуха. Поповский сынок Мартынчик решил ему отомстить. Он искусно приладил у лазейки петлю, надеясь, что вор придет вторично и попадет в ловушку. Рейнеке, однако, о том проведал и говорит коту:

— Милый племянник, лезьте прямо в дыру, а я останусь здесь караулить, пока вы будете охотиться. Мышей вы нагребете целую кучу. Слышите, как они задорно пищат? Полакомьтесь вдоволь свежей мышатиной и вылезайте обратно. А раненько утром отправимся вместе ко двору короля.

— Значит, — спросил Гинце, — я могу лезть без всякой опаски? Ведь и от священника, хотя он и служитель бога, можно ожидать всяких неприятностей...

— Кто бы вас заподозрил в трусости? — перебил его Рейнеке. — Тогда вернемся лучше ко мне. Моя жена накормит вас чем-нибудь, но мышей, конечно, не будет.

Коту стало стыдно, что лис считает его трусом. Он смело кинулся в дыру — и угодил в петлю. Так Рейнеке-лис угощал своих доверчивых гостей.

Как только Гинце почувствовал прикосновение веревки, он в ужасе шарахнулся назад, отчего петля на его шее сразу же затянулась. Он жалобно звал на помощь Рейнеке, а тот просунул морду в дыру и издевался над несчастным:

— Гинце, ну, как мыши? Вкусны или не очень? Если б Мартыничик узнал, что вы уплетаете его дичь, он принес бы вам горчицы. Что вы так громко мяукаете? Разве при королевском дворе это принято — петь за столом? Жаль, что в такую ловушку не попался волк Изергим, он заплатил бы мне за все мои обиды!

С этими словами плут удалился, а Гинце продолжал вопить из всей мочи. Его крики услышал поповский сынок Мартыничик и вскочил с кровати.

— Ага! Попался воришка! — воскликнул он вне себя от радости. — Заплатит он за петуха!

Мартыничик живо зажег свечу, разбудил отца и мать и растормошил всю прислугу.

— Вставайте! — кричал он. — Лисица попалась! Теперь мы ей покажем!

Все бросились в амбар вслед за кухаркой Юттой, которая несла подсвечник с двумя свечами. Мартыничик схватил здоровенную палку и стал расправляться с котом. Он немилосердно бил несчастного и выбил ему глаз. Остальные старались не меньше. Папенька-поп уже собирался вонзить в Гинце вилы, но кот, чуя свою смерть, бешено прыгнул на священника и опасно изранил его, жестоко отомстив за свой выбитый глаз. Священник заорал и упал без сознания. Его подняли, унесли и уложили в постель, а про Гинце совсем забыли. Тяжело избитый, он остался в петле, и охваченный жаждой жизни, торопливо грыз веревку.

И вот — о радость! — веревка лопнула. Гинце шмыг в дыру и пустился бежать из этого проклятого места.

Наутро он прибыл ко двору короля. Ну и ругал же он себя... «Попугал меня дьявол поверить хитрому предателю Рейнеке! Вот в каком виде возвращаюсь я к королю: искалеченный, с выбитым глазом, на позор перед всем королевским двором!...»

Когда король узнал, как поступил Рейнеке со вторым его посланцем, он страшно разгневался и повелел немедля созвать всех своих мудрецов-советников.

— Как нам привлечь, наконец, этого злодея к ответу? — задал он им вопрос.

Тут снова посыпались жалобы на Рейнеке, и снова выступил в его защиту барсук Гримбарт. Он доказывал, что по закону требуется вызвать обвиняемого в третий раз и если он снова не явится, то уж тогда можно осудить его заочно.

— Боюсь, что никто теперь не отважится доставить новую повестку такому отъявленному вероломцу, — возразил ему король. — Ни у кого нет лишнего глаза, никто не захочет остаться калекой, а может быть, и лишиться жизни из-за подлого преступника. Да и можно ли быть уверенным, что негодяй все-таки явится?

— Государь, — подал голос барсук, — предоставьте эту честь мне. Уверю вас, что я с поручением справлюсь.

— Хорошо, — согласился король. — Но только будьте рассудительны. Помните, что это очень опасная личность.

— Что ж, я рискну, — сказал барсук Гримбарт и отправился в Малепартус.

Рейнеке с женой и с детьми он застал дома.

— Здравствуйте, дядюшка Рейнеке! — сказал он с поклоном. — Простите, но вы нас всех удивляете. Как это вы, такой ученый, опытный и мудрый, могли не исполнить королевский указ? Пора вам одуматься. Со всех сторон доходят о вас прескверные слухи, со всех сторон сыплются жалобы. Вот мой совет: спешите ко двору. Если и в третий раз вы не явитесь, король пошлет войска, ваш замок обложат. Вам и вашему семейству будет грозить гибель. Давайте-ка лучше отправимся вместе к королю. Вы достаточно хитры и на суде вывернетесь. Не раз уже судились за более серьезные проступки, и все-таки вам всегда удавалось отвести судьям глаза и осрамить своих врагов.

— Дельный совет! — воскликнул Рейнеке. — Мне действительно следует явиться ко двору и лично защищать себя на суде. Король, надеюсь, будет милостив ко мне. Он отлично знает, как я ему полезен, и понимает, что именно за это меня и ненавидят. Ведь все его придворные в делах ничего не смыслят — ни бе ни ме, и там, где нужен совет поумнее, выручать приходится мне. Вот они и завидуют... Меня тревожит только, что самые злые из моих врагов как раз и состоят в королевских любимчиках. Их там больше десятка, а я один. И все-таки мне лучше добровольно явиться к королю, чем подвергать жену и детишек такой опасности. Король, разумеется, сильнее меня, но, быть может, мне еще удастся как-нибудь поладить с моими недругами...

Тут он обратился к жене:

— Береги детей, Эрмелина! Особенно нашего младшенького, нашего любимца Росселя. Малыш весь в меня — у него чудесные зубки! Да

и старшего, плутишку Рейнгарта, я люблю не меньше. Можешь без меня побаловать деток. Бог даст, я скоро вернусь и тогда уж порадую тебя хорошим подарком...

И он ушел в сопровождении Гримбарта.

Не прошло и часа, как Рейнеке обратился к своему спутнику:

— Милый племянник, дорогой мой друг! Вы священнослужитель, лицо духовное. Признаюсь вам, мне все-таки страшновато предстать перед нашим государем. Что ни говори, а совесть у меня не совсем чиста. Если я исповедуюсь перед вами во всех своих грехах, мне станет легче. Так вот слушайте.

Прости меня господь и пресвятая дева Мария, — начал Рейнеке каяться на церковной латыни, как это положено у католиков, — что я вредил выдре, коту и всем другим, в чем теперь признаюсь, и готов принять любое наказание...

Но барсук перебил его:

— Бросьте вы свою латынь и говорите по-нашему — понятнее будет!

— Хорошо, — кротко ответил ему лис. — Признаюсь, что я виноват перед всеми зверями и птицами.

Тут он рассказал, как недавно защемил в колоде медведя Брауна и как тот был избит; как он завлек в ловушку кота Гинце и как тот потерял один глаз. Признался Рейнеке и в том, что петух Геннинг сказал правду: он, Рейнеке, действительно хватал его детей и съедал их с большим аппетитом.

— Мало того, — продолжал лис, — я даже самому королю и королеве сделал много пакостей. Не говоря уже о том, как я издевался всегда над волком Изергимом, которого в насмешку называл дядей, хотя никакой он мне не дядя, а я ему не племянник! Несколько лет тому назад, когда я жил в монастыре в Элькмаре, он пришел ко мне и попросил помочь ему стать монахом. «Это занятие, — сказал он, — очень мне нравится». Я заметил, что первым делом он должен научиться звонить в колокола, и привязал его передние лапы к колокольной веревке. Звон ему очень понравился, и он стал трезвонить, как буйно помешанный. Услыхав этот безумный набат, люди сбежались толпами. И не успел волк им объяснить, что он собирается стать монахом, как был избит до полусмерти. Однако этот дурень не отказался от своего намерения. Он попросил меня, чтобы я выбрил ему макушку, как у всех монахов. Я посоветовал Изергиму выжечь себе волосы на макушке раскаленным железом. Он послушался. И можете себе представить, как вздулась и сморщилась от ожога кожа на его глупой голове!..

Как-то мы с ним бродили в Юлийских горах и забрались во двор к одному богатому попу. У него в амбаре хранились роскошные свиные окорока и длинные бруски свежего нежного сала. Изергим проскреб в толстой стене лазейку и довольно свободно в нее пролез. Он там так нажрался, что брюхо его раздулось, как бочка. Собрался он уходить — не тут-то было! Дыра не пропускает его обратно. Как он ругался!..

«Ах ты подлая обманщица (так он называл дыру)! Когда я был голоден, ты меня пропустила, а теперь, когда я наелся, не пускаешь!..»

Я между тем ворвался в дом к попу, который преспокойно сидел за обедом. Перед ним стояло блюдо с еще горячим жареным петухом. Я схватил петуха и выскочил за дверь. Поп закричал не своим голосом, кинулся было за мной, да зацепился за стул и опрокинул стол со всей снедью, что была на нем.

«Бегите, ловите, колите!..» — завопил он, но тут же поскользнулся в луже супа и шлепнулся в нее.

На крик сбежались люди, а поп продолжал орать как полоумный:

«Что за наглый вор! Стащил жаркое! Прямо со стола!..»

Разъяренные люди кинулись за мной в погоню. Я мчусь впереди, добегаю уже до амбара и роняю петуха: мне стало не под силу его держать — был слишком тяжел. Толпа потеряла меня из виду, но, увы, какую добычу я потерял!

Подоспевший поп, поднимая петуха с земли, заметил в амбаре волка.

«Люди! Сюда! Не зевайте! Еще один грабитель попался нам в руки! — кричал священник. — Если он улизнет, мы станем посмешищем для всего нашего края!..»

Тут на волка посыпался град ударов, пока несчастный не потерял сознание и не рухнул на землю. За всю свою жизнь этот неудачник не терпел таких побоев. Ну и картина была бы, если бы какой-нибудь художник изобразил, как растяпа Изергим уплатил священнику за ветчину и за сало!

Крестьяне вытащили его из амбара и, считая подошедшим, выбросили на свалку. Сколько времени он там провалялся, как пришел в себя и как ему удалось выбраться оттуда, не знаю.

И все-таки даже потом, спустя год, волк клялся мне в своей вечной дружбе. Эта вечная дружба продолжалась, правда, недолго. А зачем она ему понадобилась, не трудно было смекнуть: он мечтал хоть раз в жизни поесть вволю свежей курятинки. А я, чтобы позлее над ним наглумиться, взялся проводить его на один чердак. «Средняя балка, — сказал я ему, — служит насестом петуху и семи жирным курам».

Ночью вышли мы, идем. Чуть пробило полночь — пришли. Я знал, что окно чердака закрывается ставнем. Днем его поднимали и подпирали легкой планкой, а на ночь планку отставляли, и ставень опускался. Но я знал, что в этот час ставень был еще поднят.

Я притворился, что влезаю первым, но тут же отстранился, якобы из вежливости пропуская дядюшку волка вперед.

«Смелее! — сказал я. — Если хотите хорошей добычи, не зевайте! Куры здесь откормленные!»

Волк осторожно влез на балку, пошарил по сторонам и раздраженно проворчал:

«Вы меня привели не туда! Здесь и перышка куриного не найти!»

А я отвечаю:

«Тех кур, что сидели поближе, я уже успел похватать. Остальные садятся подальше от окна. Будьте спокойны и потихоньку, полегоньку двигайтесь дальше...»

Пропустив Изергима, я незаметно пятился назад, к окну. Выскочив наружу, я дернул подпорку — ставень с шумом захлопнулся, а волк так затрясся от испуга, что грохнулся с узкой балки на пол.

Во дворе горел костер, вокруг которого, подремывая, сидели люди. От шума они проснулись.

«Что это там упало в окно чердака?» — закричали они в испуге, засветили фонарь и бросились на чердак. Обнаружив забившегося в угол волка, они стали его беспощадно дубасить. Как только жив он остался после такого щедрого угощения!

Признаюсь вам также, — продолжал лис, — что и волчице Гирмунде я сделал немало гадостей. Хватит ей позора на всю жизнь!

Теперь, племянник, я открыл вам все, что только могла припомнить моя совесть, что тяготило мою душу. Дайте же мне, слугитель бога, отпущение грехов! Я готов принять самое строгое наказание...

Барсук Гримбарт знал толк в церковных делах. Сорвав по пути прутик, он передал его лису и сказал:

— Этим прутиком, дядя, трижды похлещите себя по спине, потом положите прутик на землю, трижды перепрыгните через него и благоговейно трижды его поцелуйте. Тогда я отпущу вам все ваши грехи и во имя господа бога прошу вас все, что вы совершили. Но свое исправление, дядя, вам нужно доказать добрыми делами. Ходите в церковь, усердно молитесь, соблюдайте все постные дни, раздавайте щедро милостыню. Поклянитесь отречься от беспутной жизни, грабежа, воровства, предательства, обмана и всяких пакостей. Если вы будете все это выполнять, то заслужите милость божию.

— Выполню! — воскликнул Рейнеке. — Клянусь вам!

На этом исповедь кончилась, и набожный Гримбарт с грешником Рейнеке продолжали свой путь ко двору короля. Вскоре вдали показался женский монастырь. Монахини в нем не только служили богу, но и содержали во дворе множество кур, петухов и индюшек, бегавших в поисках корма и за монастырские стены. Рейнеке частенько сюда наведывался и сейчас предложил барсуку:

— Давайте-ка пойдем лучше вдоль монастырской стены — это самый короткий путь.

Барсук согласился. Но как только они приблизились к курам, рыжий плут набросился на жирненького, молоденького петушка, отставшего от остальных, так что перья взлетели на воздух.

— Вот как, беспутный дядюшка! — возмутился Гримбарт. — Не успели покаяться, как уже снова впадаете во грех? Ничего себе покаяние!

Хитрец Рейнеке кротко ему отвечает:

— Дорогой мой племянник! Я поступил так бессознательно, по привычке. Молитесь за меня богу — может быть, он по милосердию своему меня простит. Это больше не повторится.

Но пока монастырь не исчез из виду, лис все время оглядывался — не в силах был бороться с соблазном. Казалось, что если бы ему отрубили голову, эта голова сама набросилась бы на добычу — так велика была его жадность.

Гримбарт заметил это и строго спросил:

— Куда это вы опять глазами стреляете, дядюшка? Мерзкий вы и неисправимый чревоугодник!

— Вы придираетесь, сударь мой, — ответил Рейнеке, притворившись обиженным. — Не торопитесь меня осуждать. Я просто читаю молитву. В этом нуждаются души всех кур и гусей, которых я, бывало, так дерзко похищал у монахинь, у этих праведных женщин...

Гримбарт промолчал. Они уже приблизились ко дворцу, и Рейнеке сразу же пал духом: он чувствовал, что на него надвигается страшная гроза обвинений.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Как только при королевском дворе прошел слух, что прибыл Рейнеке, все, от мала до велика, прибежали взглянуть на него. Большинству он успел достаточно насолить, и сочувствовали ему лишь немногие. Однако Рейнеке умел держаться с достоинством. Будто принц, еще ни разу не запятнавший себя недостойным поступком, он гордо и смело прошел с Гримбартом через дворцовую площадь и с таким же гордым видом предстал перед королем Нобелем.

— Милостивейший король, государь мой! — начал он свою речь. — Благородный и великий король, первый среди знатных и доблестных! Смею вас уверить, что более преданного слуги, чем я, у вас нет и не было. Именно поэтому меня так травят при вашем дворе. Разумеется, я уже давно лишился бы вашего расположения, если бы вы верили клевете моих врагов.

К счастью, вы любите самолично разбираться в каждом деле и выслушивать не только жалобщиков, но и обвиняемого. И как бы ни оболгали меня за моей спиной, я спокоен: вам известна моя преданность, вам известно, что она единственная причина всех этих интриг...

— Молчать! — грозно оборвал его король. — Краснобайство и лесть вам больше не помогут. Ваши преступления доказаны, и вас ждет заслуженная кара. Разве вы соблюдали мой закон о мире?.. Вот петух Геннинг. Где его дети? Не вы ли, лживый злодей, погубили почти все его потомство! И не тем ли доказывали вы свою преданность мне, что оскорбляли мой королевский сан и калечили моих верных слуг! Несчастный кот Гинце потерял здоровье и лишился глаза, а израненный медведь Браун еще не скоро поправится. Но не к чему читать вам нотации: обвинителей здесь достаточно и столько же доказанных обвинений. Вряд ли на сей раз вам удастся оправдаться.

Рейнеке не растерялся.

— О мой благородный и справедливый король! — произнес он торжественно. — Разве я за все это в ответе? Разве я виноват, что медведь Браун вернулся от меня с ободранным теменем? Разве я виноват, что он решился нахально похитить мед у плотника? И если ему так влетело от грубиянов мужиков, то как он допустил до этого? Где его хваленая богатырская сила? Почему он не мог достойно дать им отпор, защитить свою честь?

А кот Гинце? Я ли не принял его с почетом? Я ли не угощал его всем, что бог послал? Но, не слушаясь моих уговоров, он влез ночью в поповский амбар, где его постигли кое-какие неприятности. Так неужели я должен отвечать за глупое поведение кота и медведя?! Такая несправедливость могла бы унижить ваше королевское достоинство. Впрочем, мой государь, вы вправе поступить со мной, как вам будет угодно: помилуйте меня или казните — на все ваша высочайшая воля. Сварят меня или изжарят, ослепят или повесят — пусть будет, что будет! Все мы в вашей власти. Не знаю, какую пользу принесет вам моя смерть, но так или иначе, я, как видите, явился на суд!..

Баран Бэллин напомнил, что пора начинать судебное заседание. Окруженный своей родней, подошел волк Изергим, медведь Браун и множество других зверей: осел Болдевин, заяц Лямпе, дог по имени Рин и бойкий песик Пустолайчик. Вместе с козочкой Метке пришел козел Герман. Явились белка, ласка и горностаи, а также бык и лошадь. Пришли и лесные жители: серна, бобр, куница, олень, кролик и дикий кабан. Все, конечно, норовили пробраться вперед. Слетелись и птицы: аист Бартольд, журавль Лютке, сойка Маркат. Приковыляли уточка Тибле и гусыня Альгейд. Прибыло и множество других потерпевших от разбойника Рейнеке. Безутешный петух Геннинг с остатком семейства все еще плакал и охал.

Счета не было разным жалобщикам — четвероногим и пернатым. Каждый хотел уличить лиса и поведать судьям о его преступлениях. И каждый мечтал увидеть законное возмездие преступнику.

Всё новые и новые обвинения сыпались на Рейнеке. Лис, однако, защищался весьма искусно. Стоило ему раскрыть рот, как на слушателей изливался красноречивый поток оправданий и хитрой лжи, так похожей на правду. Он умел что угодно опровергнуть и что угодно доказать. Все вокруг только диву давались: ведь хорошо знали, что он виноват, а получалось наоборот — будто он сам вправе обвинять других.

Всё же наиболее честные и уважаемые из собравшихся выступили против рыжего плута, и его преступления были доказаны. Королевский совет вынес единогласное решение:

«Рейнеке-лис приговаривается к смертной казни! Он должен быть тут же на месте схвачен, связан и публично повешен».

Рейнеке понял, что его дело проиграно: хитрые речи не помогли ему. Приговор огласил сам король. Злостный преступник был связан, и ему уже виделся свой позорный конец.

Тут все враги лиса засуетились, торопясь отвести его на казнь, тогда как друзья Рейнеке оцепенели от горя. Барсук Гримбарт, обезьяна Мартын, вся свора родных и приятелей рыжего плута остались весьма недовольны суровым, но справедливым приговором: ведь Рейнеке считался одним из первых королевских баронов, а теперь он стоял обесчещенный, приговоренный к позорной казни! Его близкие не могли спокойно смотреть на это. Они попросили у короля разрешения и все, как один, покинули королевский дворец.

Король пожалел, что так много рыцарей — приспешников лиса — покидают его, и обратился к одному из своих приближенных:

— Рейнеке, разумеется, негодяй, но, если подумать, многих его сторонников при дворе нечем будет заменить...

Тем временем волк Изергим, медведь Браун и кот Гинце были заняты преступником: им хотелось собственноручно повесить своего врага и они поспешно гнали его к месту казни.

— Помните, сударь Изергим, — говорил по дороге кот Гинце, — помните, как Рейнеке когда-то прямо-таки из шкуры лез, чтобы повесили вашего брата. И он этого добился! Постарайтесь же теперь с ним расквитаться! А вы, Браун, не забудьте, как подло предал Рейнеке вас самого, как он выдал вас плотнику Рюстефилю и грубой толпе мужиков на избиение, на позор, о котором сейчас трубят везде и повсюду. Будем осторожны, будем крепко держаться друг друга. Если лис и сегодня улизнет от нас или хитрой каверзой спасет свою шкуру, нам уже не дожидаться столь радостного часа. Надо поскорее покончить с мерзавцем!

— Хватит болтать! — проворчал в ответ волк. — Лучше достаньте веревку покрепче. Да пошевеливайтесь! Не будем затягивать его мучений...

Рейнеке сначала слушал их молча, но потом развязал язычок:

— Вы так меня ненавидите, так мечтаете поскорее лишиться меня жизни, а не знаете толком, как взяться за дело. Странно! Кот Гинце мог бы дать вам точную справку о петле: он хорошо познакомился с ней у попа в амбаре, когда пришел туда за мышами. А вы, Изергим и Браун, что-то слишком уж торопитесь отправить своего друга Рейнеке на тот свет. А вдруг это вам не удастся?..

Тут из дворца вышел сам король с придворными. Он хотел лично присутствовать при казни. К нему присоединилась и королева со своей свитой. А за ними валила толпа знатных и незнатных, богатых и бедных — всем хотелось насладиться зрелищем смерти лиса.

Волк Изергим наказывал родным и друзьям не спускать глаз со связанного Рейнеке.

— Помоги мне держать прохвоста, — говорил он своей жене Гирмунде. — Если этот пройдоха изловчится и сбежит, мы от него еще больше натерпимся!..

— Не забудьте, как он вас опозорил, — подстрекал он медведя Брауна. — Теперь наконец вы можете с ним расквитаться!..

— Гинце, — командовал волк, — вскарабкайтесь повыше и понадежней закрепите веревку, а вы, Браун, держите преступника: я буду ставить лестницу. Еще две-три минуты, и мы покончим с этим мерзавцем...

— Как вы стараетесь предать меня смерти, — вновь заговорил Рейнеке, — а ведь вам следовало бы мне посочувствовать. Не хочу молить вас о пощаде — это мне не поможет. Прошу только не затягивать моих страданий. Это было бы совсем бессовестным свинством!..

Медведь Браун так и вскипел:

— Вы слышите наглуемую речь этого негодяя? Ну-ка, повыше, повыше!.. Сейчас ему будет конец!

Рейнеке охватил ужас.

«Надо придумать какой-нибудь фокус, чтобы король милосердно даровал мне жизнь, а троица моих недругов хлебнула бы горя и позора, — думал он. — Надо побыстрее найти выход. Дело идет о жизни... Я думал, что избежну беды, но на этот раз ошибся! И все-таки... Нет, я не теряю надежды... Только бы мне дали слово — и я уверен, что меня не повесят».

С петлей на шее стоя на лестнице, которую вот-вот должны были выбить у него из-под ног, он вдруг обратился к народу с такой речью:

— Я вижу смерть. Вот она, перед моими глазами. Мне некуда от нее укрыться. Но пока я еще жив, я обращаюсь ко всем, кто меня слышит, с самой скромной просьбой: позвольте мне в мой последний час правдиво и чистосердечно поведать вам обо всех моих преступлениях. Боюсь, что после моей смерти кто-нибудь невинный может быть, упаси бог, обвинен в том, что совершил я один. Не брать же мне на душу лишний грех. Надеюсь, что милосердный бог зачтет мне этот честный и добрый поступок...

Подобной кротостью хитрец сразу многих разжалобил. В народе послышались голоса:

— Просьба-то пустяковая... Не беда, если казнь совершится на несколько минут позже...

Король дал согласие, и Рейнеке сразу оживился — он поверил в свое спасение.

— О боже, помоги мне! — так он начал. — В этом собрании я не вижу никого, кто не был бы мною обижен. Еще когда я был крохотным щенком, только что отлученным от материнской груди, меня одолела страсть чревоугодия. Рано, даже очень рано стала шататься возле ягнят и козлят. Сперва мне нравилось слушать их милое бляение, а там потянуло все сильнее к лакомой пище. — При этих словах Рейнеке даже облинулся, после чего продолжал: — Потом я прикончил трех молочных козлят и с удовольствием их съел. Дальше — больше. Птиц — будь то курица, утка или гусь — я не миловал, где бы ни встречал. Бывало, мне и не хотелось есть, но я все равно убивал их и зарывал про запас в песок.

Как-то зимой на берегу Рейна — давно это было — повстречался мне волк Изергим, который в кустах подкарауливал добычу. Он стал мне доказывать, что он мой родственник. Я согласился, и мы заключили союз, поклялись быть неразлучными друзьями. Увы, эта дружба принесла мне много вреда. Мы истоптали с ним всю страну. Он хватал то, что было побольше, я — что поменьше. Мы уговорились, что делиться будем поровну, но общего котла у нас не получилось: половину добычи волк мне никогда не давал. А случалось и похуже. Когда я заставлял его за свежезарезанной козочкой или овечкой, он встречал меня злобным рычанием и прогонял. Бывало, волк присваивал себе и мою добычу. Даже когда мы сообща справлялись с каким-нибудь быком или коровой, то сразу же прибежали его жена и семеро волчат. Они жадно накидывались на еду, а меня оттирали. Мне доставались только обглоданные косточки. Приходилось терпеть. И все же я, слава богу, не голодал. Дело в том, что я тайно питался за счет богатейшего клада — золота и серебра, — который в свое время схоронил в надежном местечке. Сокровищ было так много, что остатка, пожалуй, и теперь не вывезешь и десятью возами!..

При упоминании о богатом кладе король сразу насторожился и, подавшись вперед, спросил:

— Но откуда к вам попал этот клад? Признавайтесь!

— Я не намерен скрывать этой тайны, — отвечал лис королю. — Все равно не унесешь на тот свет эти сокровища. Позвольте, однако, рассказать вам все подробно. Признаюсь, что упомянутый клад был мной похищен, но, если бы я этого не сделал, вы были бы давно убиты, мой государь! Преступная шайка замыслила вас погубить, и эти сокровища должны были служить их преступной цели. Увы, эта кража преждевременно свела в могилу моего несчастного отца... Но, государь мой, я это сделал для вашего блага!..

Слушая страшный рассказ рыжего обманщика о каком-то заговоре против ее мужа, королева пришла в ужас.

— Рейнеке! — обратилась она к лису. — Сейчас вы отправитесь в царство небесное. Помните же мой совет: облегчите свою душу, откройте нам правду и расскажите подробнее о подготовлявшемся убийстве моего супруга...

— Я призываю всех к молчанию! — раздался голос самого короля. — Рейнеке может спуститься. Пусть он подойдет поближе. Дело касается лично меня, и я желаю его выслушать!

Рейнеке сразу успокоился. К великой досаде своих недругов, он живо спустился с лестницы и смело подошел к королю и королеве, мысленно готовясь к новой чудовищной лжи.

«Только бы мне опять втереться в милость к этим коронованным супругам... — думал он про себя. — Только бы мне удалось погубить всех моих лютых врагов, гнавших меня на виселицу, и я навсегда избавился бы от всяких напастей! Счастье еще может мне улыбнуться, только врать на этот раз придется особенно хитро и бессовестно».

Между тем королева продолжала нетерпеливо расспрашивать его:

— Расскажите нам все с самого начала! Как это было?

— Охотно, — ответил Рейнеке. — Мне все равно умирать, так глупо было бы брать на свою душу еще один лишний грех, чтобы терпеть страшные муки на том свете. Лучше я признаюсь во всем, хотя мне и придется опорочить близких родственников и любимых друзей. Жаль их, но что поделаешь! Ведь мне предстоит муки ада!

Королю от этих слов лиса стало не по себе.

— Но ты говоришь правду? — спросил он.

— Я, как известно, грешник, — ответил плут, — но все, что я вам поведал, чистейшая правда. Да и какой расчет лгать в такую минуту. Я осужден, я уже смотрю в лицо смерти, и мне не помогут теперь ни кротость, ни дерзость, ни ложь.

Рейнеке при этом притворно вздрогнул.

Королева вздохнула.

— Бедняжка! Мне так его жаль! — грустно сказала она королю. — Будьте к нему снисходительней! Подумайте, от скольких несчастий мы можем избавиться благодаря его показаниям. Пусть он поскорее расскажет нам все!

Король потребовал тишины, и собрание смолкло.

— Письменных доказательств у меня нет, — начал свой рассказ Рейнеке, — но клянусь, что мое показание правдиво и точно. Открываю вам тайну страшного заговора и предупреждаю: я никого щадить не намерен и назову всех, кто участвовал в преступлении.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Послушайте же теперь о том, как лис не только снова оправдался в своих преступлениях, но еще сумел опорочить других. Чудовищной ложью он обесчестил даже своего родного отца и подло оклеветал барсука Гримбарта, преданного своего друга, который так его защищал. Ничем не побрезговал негодяй, лишь бы его неслыханно дерзкая ложь показалась правдоподобной, лишь бы спастись от смерти и рассчитаться с врагами. Рассказ свой он повел так:

— Отцу моему однажды выпало большое счастье — он, уж не знаю как, нашел сказочно богатый клад короля Эммериха Могучего[3]. Увы, это не пошло ему на пользу! Неожиданно разбогатев, мой отец зазнался и стал презирать своих старых друзей. Теперь ему понадобились друзья поважнее и познатнее. Он снарядил кота Гинце в горный Арденский край, чтобы тот разыскал там медведя Брауна и передал ему, что он должен явиться во Фландрию и стать королем.

Получив послание моего отца, Браун, разумеется, возрадовался: ведь он давно лелеял этот преступный замысел. Он тут же пустился в путь и разыскал во Фландрии моего старика. Туда же были вызваны волк Изергим и барсук Гримбарт. Присутствовал на этом сборище и пятый заговорщик — кот Гинце.

Их встреча произошла темной осенней ночью между деревушкой Ифтой и городом Гентом. С помощью незаконно присвоенного богатства мойотец подчинил себе всех остальных. Они заключили между собой вечный союз и поклялись убить короля, чтобы избрать на его место медведя Брауна. Тех, кто попытался бы им помешать, мой отец должен был подкупить или изгнать из страны.

Но тут об их заговоре проведал я. Барсук Гримбарт выпил однажды лишнего и, как последний глупец, выболтал преступную тайну своей жене, строго наказав никому об этом не говорить. Вскоре, однако, барсучиха встретилась с моей женой и, взяв с нее самую страшную клятву, рассказала ей все. Клятву свою моя жена держала, разумеется, недолго: едва вернувшись домой, она выложила ее мне и даже привела доказательства. Можете себе представить, государь мой, как я был потрясен.

И я вспомнил известную историю с лягушками, которые проквкали богу уши своими мольбами дать им царя: этим глупцам надоело, видите ли, наслаждаться свободой и захотелось изведать царского гнета.

Бог исполнил их просьбу — послал к ним царем аиста, и тот стал их терзать, притеснять и уничтожать. Так он свирепствует до сих пор, а эти глупые твари и поныне плачут, но поздно: царская власть душит их!

Рейнеке-лис говорил громко, каждое его слово слышали все собравшиеся. И он продолжал так:

— Я опасался за всех. «Наш государь, король Нобель, благороден, милосерден, — размышлял я про себя. — Кого же хотят посадить вместо него на королевский престол? Проходимца, болвана медведя! Нет, эта замена не сулит нам добра и грозит самыми ужасными последствиями». Долго я обдумывал, как расстроить планы заговорщиков. Я хорошо понимал, что пока мой отец владеет своим драгоценным кладом, он всегда найдет сторонников и сможет выиграть эту злодейскую игру. И тогда я решил найти место, где припрятаны сокровища, и потихоньку выкрасть их. Куда ни направлялся старый пройдоха, мой отец, — в лес или в степь, днем или ночью, в жару или в стужу, в сушь или в слякоть, — я тайно крался за ним и неустанно его выслеживал.

И вот лежу я как-то за одним бугром и озабоченно, как всегда, думаю, как бы найти этот клад. Вдруг вижу — из какой-то расщелины между камнями вылезает мой отец. Я притаился и замер. Отец, разумеется, не предполагал, что за ним следят, но все же внимательно осмотрелся по сторонам, а потом засыпал трещину песком, загладил это место, старательно замел длинным пушистым хвостом следы своих ног и взрыхлил мордой почву. Этому искусству я научился в тот день от отца. Он же был известный ловкач и мастер на разные плутни, на шулки, на трюки!

Как только отец ушел, меня осенила догадка: не тут ли находится знаменитый клад?! Я вскочил, бросился к камням и принялся за дело. Недолго пришлось мне рыть землю — вскоре предо мною показался вход в пещеру. Влез я в нее... И какие же сокровища я там обнаружил! Столько серебра и чистейшего золота не видел за всю свою жизнь и самый старый среди вас!

Я побежал за своей женой, и мы стали работать сообща. День и ночь мы таскали эти сокровища на себе: ведь ни тележки, ни тачки у нас не было. Наконец мы всё перенесли в более верное место. А мой преступник-папенька путался тем временем в обществе мерзких заговорщиков! Послушайте только, что они решили, и вы ужаснетесь!

Волк Изергим и медведь Браун разослали повсюду секретные письма, созывая наемников-солдат и обещая им выдать плату вперед. С этими письмами мой отец отправился в соседние государства. Он не цедил своих сил и за короткое время успел обегать все земли между Эльбой и Рейном. Многих добровольцев он нашел, многих завербовал. Немало помогли ему деньги, которые он роздал им вперед как задаток.

Между тем наступило лето. Отец мой вернулся к друзьям заговорщикам и рассказал о пережитых им невзгодах и треволнениях. Однажды он чуть было не погиб в Саксонии близ ее высоких замков. Там его что ни день травили конные охотники с борзыми собаками. Только чудом он ушел от них с неповрежденной шкурой!

Мой отец гордо выложил перед четырьмя заговорщиками списки завербованных наемников. Браун остался доволен: по спискам числилось тысяча двести волчьих родичей-головорезов, которые должны были скоро прибыть, остро отточив грозные клыки. За Брауна обязались также подняться все коты и медведи, все барсуки и росомахи. Кондотьерам, то есть наемным солдатам, пришлось выдать плату за месяц вперед. Вся эта мощная боевая сила готова была выступить по первому зову. Вечная слава господу богу, что мне удалось тогда расстроить их планы!..

Наладив дело, мой отец поспешил в степь — он хотел осмотреть после отлучки свои сокровища. Вот когда его ударило горе! Он торопливо рыл землю, шарил, рыскал... Безнадежно! Клад исчез! Отчаяние отца было страшным. В ужасе перед грозящим ему позором он повесился. Воспоминание об этом до сих пор терзает мою душу: я стал виновником смерти своего отца! Но мог ли я поступить иначе?!

Вот что совершил я, мой государь, чтобы спасти вас от заговорщиков! Дорого мне это стоило, но я не жалею. Мне только обидно, что эти обжоры, Изергим и Браун, до сих пор сидят в совете рядом с королем. А несчастный Рейнеке, он-то чем награжден за то, что погубил родного отца ради спасения жизни своего государя?! Подумайте, много ли найдется здесь таких, которые были бы способны на это!

Своей наглой ложью Рейнеке, словно невидимой сетью, оплел души короля и королевы. Слушая его вранье, они размечтались о сокровищах. Отозвав лиса в сторонку, лев и львица стали тихо и торопливо его расспрашивать:

— Где спрятан ваш клад? Говорите! Мы должны это знать! Непременно!

А Рейнеке им спокойно так отвечает:

— Простите, а какая мне польза — оставлять столько добра королю в благодарность за то, что он меня сейчас повесит? Ведь вы, ваше величество, больше верите моим врагам, этим ворам и убийцам, которые опутали вас своей нахальной ложью, чтобы добиться моей смерти!

— Нет! — всплеснула руками королева. — Нет! Я ручаюсь, что король вас простит! Свой гнев он сменит на милость. Постарайтесь только впредь быть умнее и преданней служить своему государю!

Рейнеке низко ей поклонился.

— Моя госпожа, — сказал он, — если б вы смогли уговорить государя обещать мне прощение, чтобы он никогда больше не вспоминал о моих преступлениях и о причиненном ему беспокойстве, то в благодарность за это я подарил бы ему и вам сокровища, каких ни один из нынешних королей не видывал. Клад сказочно велик! Я укажу вам место, где он спрятан, вы своим глазам не поверите!

— Ах! — с досадой воскликнул король. — Ведь он же все врет! Впрочем, рассказням о кражах, грабежах и плутнях вы можете верить: такого вранья еще свет не видал.

Но королева сказала:

— Конечно, всей своей прежней жизнью он заслуживает мало доверия. Но теперь... Подумайте: он не пощадил даже собственного отца! Ведь ему ничего не стоило вплести в эту историю только посторонних. Зачем же он стал бы так бессмысленно лгать перед смертью?

— Если вам кажется, — промолвил король, сразу подобрев, — что это принесет нам пользу и не повлечет за собой еще больших несчастий, то будь по-вашему: я возьму на свою ответственность все прежние преступления лиса и дело об этом кладе тоже. Поверю ему, но в последний раз — пусть он это запомнит! Клянусь короной, что если он снова в чем-либо провинится или солжет, то не только он сам, но и все его родственники ответят за него своей жизнью! Я их всех обреку на позор, на суд и расправу!..

Видя, как быстро у короля переменялось настроение, Рейнеке воспрянул духом.

— Неужели я так уж глуп, мой государь, — сказал он, — чтобы сочинять вам истории, которые нельзя было бы проверить!

Довод этот вполне убедил короля, и он простил негодяю и измену его отца, в которую он только что поверил, и его собственные преступления. Рейнеке был в восторге. Подумайте только, как ему повезло: он заодно избавился от власти своих врагов и от смерти на виселице!

— О мой великий и благородный король! — воскликнул он, ликуя. — Да наградит господь бог и вас, и вашу супругу за милость, которую вы оказали мне, недостойному! Клянусь, что я навсегда останусь вам глубоко благодарным! Право же, на всем свете нет никого, кому я отдал бы с такой охотой, как вам, эти сокровища! Я дарю вам сказочный клад короля Эммериха весь без остатка!.. А теперь я расскажу вам, где он спрятан.

Неподалеку от Фландрии, в дикой степи, стоит одинокая рощица — называется Гюстерло. Роцца — и рядом источник Крекельборн. Местность там глухая, пустынная, и обитают в роцце совы да филины. Там-то я и спрятал сокровища. Запомните эти названия: «Гюстерло» и «Крекельборн».

Вы с королевой должны отправиться туда лично: такого дела нельзя доверить никому. Сразу за Крекельборном стоят две молодые березки. Под этими-то березками, мой король-благодетель, и зарыты сокровища. Ройте, копайте, и под мшистыми корнями вы увидите золото! Множество изящных старинных золотых изделий! Там же вы найдете и корону короля Эммериха. Если бы планы медведя сбылись, она увенчивала бы сейчас его голову. В короне много драгоценных камней, каких теперь не найти. Любуясь ими, мой государь, вы помянете добрым словом Рейнеке-лиса. «Рейнеке, — скажете вы, — мой верный слуга! Как мудро ты поступил, спрятав здесь эти сокровища! Будь же счастлив навеки!»

Так рыжий лицемер закончил свою речь.

— Но, — возразил с растерянным видом король, — тебе придется меня проводить. Как я отыщу эти места? Гюстерло... Крекельборн... В жизни не слышал таких слов! Уж не сочинил ли ты эти мудреные названия?

Подозрительность короля огорчила Рейнеке.

— Разве я так уж далеко посылаю вас, мой государь? Это же у нас во Фландрии, а не где-нибудь за границей. Но если вы сомневаетесь, то давайте спросим кого-нибудь другого... Лямпе! — позвал он зайца, но тот дрожал и не решался подойти. — Смелее! — крикнул Рейнеке. — Вас зовет сам государь. Он хочет справиться у вас, где находится Гюстерло и Крекельборн. Вам ведь это известно. Отвечайте!

Лямпе набрался храбрости и подошел.

— Я могу сказать точно, — бойко заговорил он. — Они в степи. Крекельборн, а рядом Гюстерло. Гюстерло — это роцца, в которой когда-то долго скрывался известный разбойник Симон Хромой с шайкой своих отчаянных ребят. Они там чеканили фальшивые деньги. Я туда попал случайно, спасаясь от свирепого дога Рина. Наголодался я там и нахолодался!..

— Хватит! — прервал его Рейнеке. — Можете отойти в сторону и встать вместе с другими. Государю все ясно.

Король с виноватым видом обратился к лису:

— Простите, если я сгоряча вам не поверил. Но все же вам придется проводить меня до этого места.

Рейнеке и тут не растерялся:

— Я был бы истинно счастлив, ваше величество, сопровождать вас туда, если б только имел право на эту честь. Но, увы, на мне лежит большой грех перед церковью... Однажды я помог волку Изергиму, который одно время собирался стать монахом, убежать из монастыря. Этому обжоре, видите ли, не хватало монастырского питания, хотя он там жрал, извините, за шестерых! Он вечно хныкал, жаловался на голод и действительно отоцал и стал прихварывать. Я пожалел его и помог ему убежать. За это папа римский отлучил меня от церкви. Вот я и решил, если вы позволите, завтра утром отправиться в Рим на богомолье и вымолить себе там отпущение грехов. После этого, ваше величество, я мог бы с чистой совестью сопровождать вас куда угодно. А пока что вам не подобает брать меня в спутники. Скажут: «Как, король снова водится с Рейнеке, которого он сам собирался повесить и которого папа римский отлучил от церкви?!» Согласитесь, мой государь, что я прав.

— Это верно! — согласился король. — Мне действительно неудобно идти с тобой. Лямпе или кто-нибудь другой проводит меня. А твоё намерение отмолить свои грехи я считаю весьма похвальным и даю тебе отпуск — отправляйся с богом!

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Так Рейнеке снова оказался в милости короля. Король поднялся на высокую скалу и, обратясь ко всему собранию с приказом соблюдать тишину, произнес такую речь:

— Слушайте внимательно, звери и малы! Бедняки и малые! Слушайте, мои бароны, мои придворные и все мои слуги! Отныне Рейнеке находится под моей защитой. Мы собирались его повесить, но он открыл нам такую тайну, что я поверил ему и вернул ему свою милость. Королева, супруга моя, тоже просила его простить. Я помирился с Рейнеке, даровал ему жизнь и снова к нему расположен. Вам же всем я объявляю: вы обязаны под страхом смерти оказывать Рейнеке, жене и детям его все надлежащие почести. Жалоб на лиса я больше слушать не буду: все, что он прежде совершал дурного, прощено. Что же касается будущего, то я верю в его исправление. Завтра утром он возьмет котомку и посох и отбудет на богомолье в Рим, а оттуда за море, в Святую землю[4]. Он не вернется, пока не получит отпущения всех своих грехов.

— Ну, пропали наши труды и хлопоты! — злобно прошипел кот Гинце медведю и волку. — Теперь, когда Рейнеке снова в милости, он сделает все, чтобы нас троих уничтожить. Один глаз я уже потерял, теперь опасюсь за второй. Ох как хорошо было бы очутиться где-нибудь подальше отсюда!

— Дороже, чем добрый совет, ничего нет! — насмешливо отозвался медведь Браун.

А волк Изергим проворчал:

— Непонятная вещь! Надо поговорить с самим государем.

Волк и медведь подошли к королю и королеве и долго говорили им против Рейнеке. Король рассердился:

— Где у вас уши! Я ведь ясно сказал, что вернул лису свою милость!

Вконец разгневавшись, король повелел немедленно схватить обоих жалобщиков, связать их и запереть. Он хорошо запомнил рассказ Рейнеке об участии медведя и волка в заговоре.

Так, за какой-нибудь час, все вдруг переменялось: Рейнеке был спасен, а его обвинители посрамлены. Коварный плут добился даже того, чтобы с медведя содрали кусок шкуры для пошивки лису паломнической[5] котомки. Мало того, он попросил у королевы разрешения содрать с лап волка и волчицы по паре сапожек ему на дорогу.

— Они носят по две пары сапожек, — сказал он, — а с них хватит и по одной, особенно Гирмунде: ведь она как хозяйка почти всегда сидит дома.

Королева сочла его просьбу вполне справедливой.

— Конечно, — согласилась она, — им хватит и по одной паре.

Рейнеке шаркнул ножкой, низко поклонился и рассыпался в комплиментах и благодарностях...

Так волк Изергим лишился пары передних сапожек, снятых с его ног по самые когти. Не пощадили и госпожу Гирмунду-волчиху. Стянули с нее задние сапожки. Опозоренные, с окровавленными лапами, жалкие и страдающие, лежали они рядом с медведем Брауном и жаждали смерти. А наглый ханжа Рейнеке, получив котомку и сапоги, подошел к ним и стал издеваться над беспомощной волчихой.

— Какая вы добрая, — насмеялся он, — ваши сапожки пришлись мне как раз впору! Вот, полюбуйте! Надеюсь, что они хорошо мне послужат. Много труда вы затратили, чтобы меня погубить, но я тоже не жалел усилий и, как видите, неплохо успел. Недавно торжествовали вы — теперь моя очередь! Так уж ведется на свете, и с этим приходится мириться. Прощайте, в пути я буду думать о милых родственниках...

Госпожа Гирмунда страдала ужасно, но у нее хватило сил поднять голову и сказать с тяжелым вздохом:

— Это в наказание за наши грехи бог посылает удачу вам!

Изергим и Браун лежали молча, стиснув зубы, жалкие, израненные, осмеянные своими врагами. Не было здесь кота Гинце. Рейнеке сумел бы отомстить и ему.

...На следующий день рыжий лицемер смазал сапожки, содранные с его родичей, и поспешил на прием к королю.

— Ваш верный слуга, государь, — сказал он, — готов вступить на святую дорогу. Сделайте милость, ваше величество, повелите придворному священнику благословить меня в путь.

Баран Бэллин, бывший в то время придворным писцом, исполнял также обязанности капеллана[6].

— Ну-ка, — приказал ему король, — прочитайте-ка над Рейнеке молитву. Ваши священные слова — благословите его в путь. Да побыстрее! Наденьте на богомольца котомку и дайте ему в руки посох.

Бэллин заколебался:

— Государь, вы сами слышали, что Рейнеке отлучен от церкви самим папой, и отлучение с него еще не снято. Если дело дойдет до епископа, то я могу очень пострадать. Я лично к Рейнеке ничего не имею, и если бы я был уверен, что мне не нагорит от церковного начальства, если бы...

— Молчать! — рассердился король. — Бросьте вы все эти ваши песни на «если»! Рейнеке уходит богомольцем в Рим, а вы его задерживаете. Подумаешь — церковное начальство!

Бэллин в растерянности почесал себя за ухом и принял за ум над Рейнеке положенную молитву. Однако лис его не слушал — он думал лишь о том, чтобы вся эта комедия поскорее окончилась.

Наконец Бэллин произнес последнее благословение, повесил на лиса котомку и вручил ему посох. И тут Рейнеке вдруг зарыдал. Притворные слезы ливнем покатились по щекам пройдохи, заливая ему бороду. Казалось, что он в чем-то горько кается. И он действительно калялся, но не в своих грехах, а в том, что отомстил лишь трем из своих недругов.

Низко всем кланяясь и прося каждого помолиться о нем, лицемер вдруг заторопился. Он предпочитал поскорее уйти из королевского замка: ведь все может внезапно повернуться иначе. Лучше быть подальше!

Король приказал господам придворным торжественно проводить лже-пилигрима. А в это время Изергим с Гримундой и Брауном, плача от боли и горя, мучились в темнице...

С посохом и котомкой Рейнеке важно прошествовал до ворот королевского замка, радуясь тому, как ловко он перехитрил короля. А все его недавние обличители, боясь ослушаться своего властелина-льва, молча следовали за рыжим негодяем.

Лис на прощание сказал королю:

— Ваше величество! Примите меры, чтобы подлым изменникам не удалось убежать. Держите их в тюрьме, в оковах. Стоит им выйти на волю, и вашей жизни вновь будет угрожать опасность. Не забывайте об этом, мой государь!

Смирненно потупив глаза, коварный плут ушел. Король удалился во дворец, а его придворные, проводив лиса еще немного, тоже стали возвращаться. Дерзкий обманщик сумел прикинуться таким кротким, что у некоторых сердобольных особ вызвал даже сочувствие. Больше других огорчался заяц Лямпе.

Рейнеке заметил это.

— Милый мой Лямпе, — обратился он к нему, — мне очень не хочется расставаться с вами так скоро. Быть может, вы и баран Бэллин согласитесь проводить меня до моего замка? Поверьте, я буду вам за это весьма признателен. Вы оба очень милые спутники и честнейшие лица во всем королевстве. Оба вы благочестивы и живете праведно — питаетесь лишь зеленой травкой и листьями. Совсем как я, когда я был монахом и не брал в рот ни мяса, ни рыбы, ни всяких разносолов.

Похвалы лиса так польстили обоим простакам, что они проводили его до самого Малепартуса. Здесь Рейнеке попросил барана:

— Подождите меня, пожалуйста, дорогой Бэллин, и полакомьтесь пока свежей зеленью. В наших горах очень много всякой растительности, и полезной и вкусной. А Лямпе пусть зайдет ко мне и утешит мою бедняжку жену: она и без того горюет обо мне, а если услышит, что я ухажу на богомолье, то и совсем расстроится.

Сладкие слова Рейнеке обманули обоих, и Лямпе последовал за ним в замок. Эрмелина в глубокой тревоге лежала возле своих детей: ей не верилось, что Рейнеке благополучно вернется домой. Увидев же его с посохом и котомкой, она крайне удивилась.

— Рейнгарт, мой милый, расскажите скорей, что с вами случилось! Вы, наверное, много пострадали?

— Да, — ответил лис, — я был осужден и приговорен к повешению, но государь в своем милосердии даровал мне жизнь и свободу. Теперь я ухажу на богомолье, а Изергим и Браун закованы в цепи и сидят в темнице. Мало того, для искупления обиды король отдал мне зайца. Лямпе, мол, тебя оклеветал и поэтому заслуживает суровой кары. Так делай же с ним что хочешь.

Услышав эту страшную выдумку лиса, Лямпе ужаснулся и хотел бежать, но рыжий разбойник отрезал ему путь и схватил беднягу за горло.

— Бэллин! Бэллин! — закричал с пронзительным визгом заяц. — Я погибаю! Паломник режет меня! Скорее! На помощь!..

Но он тут же замолк — Рейнеке перегрыз ему горло. Таково было гостеприимство лиса!

— А теперь, — сказал Рейнеке жене и детям, — давайте-ка съедим его. Зайчик упитанный и вкусный. Хоть на что-нибудь пригодился. Жалкий и никчемный трусишка! Ну, ябедник, жалуйся сколько угодно!

Ловко содрав с убитого зайца шкуру, Рейнеке с женой и детьми с наслаждением съели его. Эрмелине он особенно пришелся по вкусу.

— Спасибо королю и королеве! — умилилась она. — Каким чудесным обедом обязаны мы их милости!

— Кушайте, кушайте! — угощал Рейнеке жену и детей. — Надеюсь, что в дальнейшем я буду добывать еще больше: каждый, кто напакостил Рейнеке-лису или собирался ему напакостить, рано или поздно заплатит за это жизнью!

— Осмелюсь спросить вас, дорогой муженек, — обратилась к нему Эрмелина, — как это вы все-таки остались в живых и вырвались на свободу?

— Э, — ответил Рейнеке, — мне не хватит и суток, чтобы рассказать вам подробно, как ловко я провел короля. Впрочем, говоря по правде, дружба моя с государем висит на очень тонкой ниточке, а что тонко, то скоро рвется. Стоит ему узнать правду, и гнев его будет ужасен. Тут уж пощады не жди: петля мне обеспечена. Нужно удирать куда-нибудь подальше...

Убежим-ка мы в Швабию. Там нас не знают, условия жизни там отличные, и мы быстро привыкнем к новому месту. О господи, что за роскошь нас ожидает! Куры, гуси, индюшки, кролики, зайцы, сахар, финики, фиги, изюм... Хлеб там выпекают только сдобный. Вода чиста и прозрачна, воздух свеж и приятен. Имеется там и рыба, та самая, которой я питался, когда был в монастыре. Глубоко нырять за ней не

приходится, а зовется она: галлина, пуллус и анас[7]. Словом, женушка, если ты хочешь зажить припеваючи, приговетесь вместе со мною в путь на новые места...

Дело, видишь ли, заключается в том, что король дал мне уйти живым лишь потому, что я наговорил ему и королеве с три короба про несметный клад короля Эммериха и преподнес их величествам эти несуществующие сокровища. Я назвал им место, где якобы я спрятал их. Но когда они явятся туда, то, разумеется, ничего не найдут, даром только разроют землю. Вот и представь себе, как взбесится король, убедившись, что я его одурачил. Ох женушка! И чего я там только не насочинял! Ведь петля была уже у меня на шее. Не хотел бы я снова попасть в такую переделку! За всю мою жизнь я так страшно не трусил. Нет, никто уже больше не уговорит меня вновь явиться ко двору и отдать себя во власть короля! Кабы не моя изумительная сметка, мне никогда бы не вырваться из его пасти.

— Ах! — печально вздохнула госпожа Эрмелина. — Стоит ли идти на риск и искать приключений на чужбине? Ведь где бы мы ни очутились, мы везде будем пришельцами и чужаками. А здесь мы живем, как нам хочется, здесь мы в полной безопасности. Если б даже король двинул против нас все свои силы и его войска окружили наш замок, мало ли есть у нас скрытых выходов и тайных тропинок? Мы всегда сможем спастись. И не об этом я тревожусь. Ваша клятва отправиться в заморское путешествие — вот что меня огорчает. Что будет с нами без вас?

— Милая моя женушка! — рассмеялся Рейнеке. — Не печалься! Знай: страшно не клясться, а страшно попасться! Один мудрый священник сказал мне однажды, что клятва по принуждению недорого стоит. И мне лично начхать на свою благочестивую клятву! В так называемых святых местах, в Риме и Иерусалиме, мне делать нечего. Поэтому я туда и не пойду, несмотря на все свои обещания. Ты права — места лучше, чем здесь, я нигде не найду. Король мне, правда, постарается задать перца, но, как он ни могуч, я, бог даст, исхитрюсь и снова нахлобучу дурацкий колпак на его венценосную голову. Он еще у меня узнает, где раки зимуют! Уж ты мне поверь!..

Но тут за воротами нетерпеливо заблеял баран Бэллин:

— Лямпе! Что вы там застряли? Пора отправляться обратно!

Услышав его призыв, Рейнеке поспешно выскочил из замка.

— Милый мой Бэллин! — воскликнул он. — Лямпе просит у вас извинения: он счастлив побеседовать подольше с тетушкой Эрмелиной и просит вас не обижаться на это. Не нарушайте радость их встречи и ступайте себе не спеша обратно.

— Но, — возразил Бэллин, — я слышал крики. Лямпе звал меня на помощь. Что вы там с ним сделали?

— Вы ошиблись, мой милый, — ответил Рейнеке. — Как только я сообщил жене о своем пилигримстве, бедняжка от горя потеряла сознание. Тут Лямпе перепугался и в ужасе закричал: «Бэллин, спасите! Скорее! Тетушке нехорошо! Боюсь, что она не очнется!»

— Мне помнится, — усомнился Бэллин, — что Лямпе кричал что-то другое... И как-то особенно страшно...

— Да что вы! Ни один волосок на нем не пострадал, — уверял рыжий плут. — Пусть меня постигнет любое несчастье, если это не так, — поклялся он. — Но поговорим лучше о более важном деле. Государь поручил мне вчера написать ему из дому несколько писем и высказать в них мое мнение по некоторым важным вопросам. Может быть, дорогой друг, вы согласитесь доставить эти письма? Они уже готовы: пока Лямпе и тетушка Эрмелина приятно беседовали, я успел их написать...

— Я согласен, дорогой Рейнгарт, — с готовностью откликнулся Бэллин. — Только упакуйте их получше. Сумки у меня с собой нет, а если я сломаю печать, меня по голове не погладят, сами понимаете!

— Это, — заметил Рейнеке, — можно легко устроить. Тут как раз пригодится котомка, которую мне сшили из шкуры медведя, в нее я и уложу пакеты. Не сомневаюсь, король щедро наградит вас за доставку.

Баран Бэллин поверил лису, а мошенник поспешил в замок, схватил котомку, впихнул в нее голову зайца и завязал котомку особенно сложным узлом, чтобы баран не смог ее вскрыть.

Выйдя из дому, он сказал Бэллину:

— Повесьте сумку через плечо и помните: вы не должны в нее заглядывать. Любопытство обойдется вам дорого. Пакеты я запечатал очень старательно, а сумку завязал специальным узлом, известным лишь мне и королю. Так я поступаю всегда, когда пишу государю, и он это знает. Если король убедится в том, что вы не развязывали сумки, награда вам обеспечена. Вы можете даже завоевать особое расположение его величества. Для этого вам достаточно намекнуть, что вы помогали мне писать письма и подсказали некоторые мысли. Этим вы заслужите большое уважение.

Бэллин так обрадовался, что как полоумный запрыгал на месте.

— Дядюшка Рейнеке! — заблеял он в бараньем восторге. — Теперь я убедился в вашей любви: вы хотите, чтобы я прославился между придворными своим умением тонко и красиво излагать на бумаге высокие и мудрые мысли. Конечно, на самом деле я так писать не умею, но пусть другие думают, что это так. Как же я вам благодарен! И как это удачно вышло, что я проводил вас до самого дома. Но разве Лямпе не может отправиться вместе со мной?

— Нет, — ответил лис. — Поймите же — сейчас это невозможно. Я должен поручить ему кое-что очень серьезное. Идите потихоньку, а он вас догонит.

— Ну, бог с ним! — сказал Бэллин. — Я отправляюсь.

Баран ушел и к полудню уже прибыл ко двору.

Едва король Нобель увидел барана и узнал котомку на нем, он сразу заподозрил что-то неладное.

— Откуда вы, Бэллин? — спросил он. — И где Рейнеке? Я вижу его котомку. Что это значит? С ним что-нибудь случилось?

— Ваше величество, — ответил Бэллин, — Рейнеке поручил мне доставить вам два письма. Мы сочиняли их вместе, — добавил он с гордостью. — В них вы найдете мудрое решение некоторых важных вопросов. Между прочим, кое-какие мысли подсказаны мною. Письма в котомке. Рейнеке лично завязывал узел.

Король приказал, чтобы вызвали бобра Бокерта, который был королевским писцом и читал королю вслух наиболее важные письма. Вызван был также и кот Гинце. Оба они с трудом развязали сложный и запутанный узел. Бокерт сунул лапу в котомку и вытащил оттуда голову зайца.

— Вот так послание! — воскликнул он, содрогнувшись. — Кто же его написал? И кто может прочесть? Ведь это же голова Лямпе!

Король и королева ужаснулись. Король печально опустил голову.

— О Рейнеке!.. — простонал он. — Где ты, мерзавец?! Ты снова меня обманул!.. О, если бы я так легко не поверил твоей наглой лжи!..

Король с ума сходил от горя. Потрясены были и все придворные. Но тут вмешался двоюродный брат короля — леопард.

— Не огорчайтесь так, ваше величество, и вы, государыня, — сказал он. — Держите себя мужественно и не роняйте своего достоинства. Разве вы не государь? И разве не обязаны мы все вам повиноваться?

— Потому-то, — ответил ему король, — потому-то я так и потрясен! Увы, я был слишком опрометчив! Своим мерзким коварством и лестью этот предатель заставил меня покарать ни в чем не повинных наших верных и преданных друзей — Изергима и Брауна. Обесчещенные и страдающие, томятся они в темнице. Как же могу я не раскаиваться! Разве достойно я поступил, когда так легкомысленно поверил наглому лжецу и обидел лучших своих баронов!.. Да, напрасно я послушал свою жену. Этот обманщик лис разжалобил ее, и она за него заступилась. Но что пользы от позднего раскаяния? Этим делу не поможешь!

— Государь, — возразил леопард, — нет такой беды, которую нельзя было бы исправить. Отдайте барана медведю и волку в искупление: ведь он только что сам признался, что посоветовал убить несчастного зайца. Так пусть за это и заплатит! А потом мы двинем против Рейнеке войска и если поймем его, то сразу же и повесим. Ему нельзя позволить сказать хотя бы слово, не то он опять отболтается и увернется от казни. А всех, кто пострадал от него, мы сумеем утешить.

Король благожелательно выслушал своего кузена.

— Я одобряю ваш совет, — промолвил он. — Ступайте скорее и доставьте ко мне Изергима и Брауна. Пусть они с прежним почетом заседают в королевском совете. Прикажите созвать всех зверей и расскажите им, как наглый мошенник Рейнеке нас обманул, как он улизнул и вместе с Бэллином зарезал Лямпе. И пусть они все воздают почести медведю и волку. А Бэллина со всей его родней я отдаю во власть волку и медведю!

Леопард не стал мешкать. Он отправился к бедным узникам, освободил их от оков и сказал:

— Слушайте весть утешения! Я вам принес нерушимую милость короля и полную свободу! Король приносит извинения за причиненную вам обиду и хочет с вами помириться. Он отдает вам барана Бэллина со всем его родом навсегда. Не церемоньтесь с ними — хватайте, где б они вам ни попались! Кроме того, государь разрешает вам мстить предателю вашему, Рейнеке-лису, как вам будет угодно. Его самого, его жену и детей, всех лисьих родичей вы можете повсюду травить и терзать — никто вам помехой не будет. Этот закон будет действителен не только при жизни короля, но и при всех его потомках. Однако и вы должны забыть печальную ошибку его величества и присягнуть снова преданно ему служить, — он же никогда больше вас не обидит...

Так был восстановлен мир. Барану пришлось заплатить за него своей головой, а потомки его и поныне терпят беспощадный разбой всесильного племени волков. Так началась вековая вражда! Волки до сих пор бешено терзают овец и ягнят и несчетно губят их, считая это своим наследственным правом. Ярость их не унять — о мире с бараньим племенем не может быть и речи.

Что касается пострадавших баронов — Брауна и Изергима, то король задал в их честь двенадцатидневный пир: этим он хотел доказать, что помирился с ними полностью и окончательно.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

По случаю объявленного пира королевский двор был убран особенно роскошно. Собрались все звери и птицы. Они воздали волку и медведю столько почестей, что те забыли и о своих страданиях, и о перенесенном позоре. Торжественно гремели трубы и литавры. Угощение на королевском балу подавалось самое изысканное: каждый мог получить все, чего душа пожелает.

Однако Рейнеке-лис не собирался идти ко двору. Он лежал в засаде возле своего замка и замышлял новые козни.

А при дворе в это время проходили состязания рыцарей, там танцевали и пели, звучала музыка звонкострунных арф и сладкоголосых флейт. Король Нобель благодушно наблюдал празднество сверху из тронного зала. Его радовала шумная праздничная суматоха.

Шел девятый день пиршества. Король с королевой сидели за столом в обществе самых близких своих баронов. Неожиданно появляется кролик и вопиет:

— О государь мой! О мой король! О господи! Сжальтесь! Какой разбой! Вчера утром, часов около шести, я проходил мимо Малепартуса; вижу — Рейнеке сидит около своего замка в одежде богомольца и, казалось, погружен в молитву. Я хотел проворно проскочить мимо, потому что торопился во дворец. Но он заметил меня, встал и пошел мне навстречу, будто хотел поздороваться. Но нет! Коварный душегуб хватил меня лапой, и я сразу же почувствовал на шее его когти. Я подумал: «Конец мне», но, к счастью, сумел вывернуться — я ведь очень проворный — и убежал. «Все равно попадешься!» — проворчал он мне вслед. Увы, одно ухо он у меня все же оторвал... Чудом я остался в живых! Где же ваш закон, государь, о безопасности дорог? Как теперь путешествовать? Как являться на прием к вашему величеству, если разбойник засел на дороге всеобщей угрозой?..

Только кролик смолк, в зал ворвался говорун ворон Меркенау.

— благородный государь! — прокаркал он. — От горя и страха мне трудно говорить. Боюсь, чтобы сердце не разорвалось у меня — такое горе мне пришлось пережить! Сегодня вышел я вместе со своей женой Шарфенебе. Идем — видим: на лужайке лежит Рейнеке. Мертвый! У него уже закатились глаза, язык выпал наружу. От страха я стал очень громко кричать, но он лежит недвижим. Он лежит, а я кричу: «Горе! Горе! Ах, он скончался! Ах, какое горе! Как его жаль!» Жена моя тоже так убивалась! Мы оба рыдали.

Я стал ощупывать его живот и лоб, а моя жена даже приложила к его морде — проверить, есть ли еще у него дыхание, может быть, еще сохранилась в нем хоть искорка жизни. И тут... Нет, вы только послушайте, что произошло!

Стоило моей жене приложить клюв к пасти мерзавца, как этот гнусный выродок бешено щелкнул зубами и голову ей так и отрезал! Я в ужасе каркнул. Тут он как вскочит и бросился на меня. Я едва успел взлететь. Если б я не был так проворен, он бы схватил и меня! Но лучше бы я, несчастный, тоже лишился жизни, чем видеть свою любимую жену в когтях негодяя. Ведь он съел ее у меня на глазах! Даже косточки от нее не оставил — так он был голоден и так жаден! Когда этот изверг ушел, я с растерзанным от горя сердцем подлетел к месту убийства, но нашел там только несколько перышек. Вот они! Удостоверьтесь! Сжальтесь, о государь мой! Если вы и на сей раз пощадите преступника и не покараете его, то среди ваших подданных пойдут нехорошие толки. Ведь недаром в народе говорится:

Кто не казнил, хоть казнить был обязан,

Должен быть тою же казнию наказан.

Выслушав жалобы доброго кролика и ворона, все сидевшие за столом печально понурили головы. Король Нобель страшно разгневался и воскликнул:

— Клянусь, что за это злодейство я так накажу лиса, что он об этом никогда не забудет! Я не позволю издеваться над моими законами!.. Это ты, жена, уговорила меня простить преступника. А теперь ищи ветра в поле на воле! Мы должны расправиться с негодяем, иначе позор нам навеки! Смешно надеяться на его исправление. Надо нам, господа, обсудить, как с ним покончить!

Речь короля пришлась по душе медведю и волку. Но королева так молвила мужу:

— О государь! Не расточайте так легко ваши клятвы: это может уронить вес королевского слова. Что правда, а что неправда, мы еще не знаем. Ведь мы должны выслушать самого обвиняемого, а мы еще его не выслушали. Возможно, будь он здесь, некоторые обвинители поприкусили бы язычок. Защищая Рейнеке, я желала вам только добра. Рейнеке умен и опытен. Его советы были нам полезны, хотя его поведение и не заслуживает уважения. В серьезных делах торопливость — плохой помощник. А если вы, государь, сочтете нужным его наказать, то сделать это никогда не поздно.

Тут вмешался леопард:

— Королева права, государь. Вы выслушали столько обвинителей, что можете выслушать и самого обвиняемого. Пусть он явится. А что вы потом решите, то и будет исполнено.

— Сударь вы мой, леопард! — вскочил волк Изергим. — Даже если бы Рейнеке явился и убедил вас, что он невиновен в двух последних делах, я все равно доказал бы, что он заслужил смертную казнь. Неужели вы забыли, как нагло он обманул государя? Он, мол, нашел клад короля Эммериха! Он, мол, дарит его королю и королеве! Ха! А другие его чудовищные враки?! Как он обесчестил меня, Брауна и Гинце! И по сей день этот прохвост занимается грабежом и разбоем! Если король и бароны считают это полезным, пусть он придет. Но вы же видите, что он не явился на придворный праздник, несмотря на приказ короля...

— Да, — согласился король, — нам его ждать незачем. Даю вам шесть дней срока, бароны, приготовьтесь выступить со мною в поход. Покуда я жив, я хочу положить конец преступлениям лиса. Ведь этот мерзавец способен погубить все государство! Вооружитесь получше и деритесь храбро! Мы обложим его замок и увидим, какие сокровища он в нем скрывает.

— Явимся к сроку! — дружно закричали все.

Но пока король со своими баронами решал, как ему разделаться с Рейнеке, племянник лиса барсук Гримбарт тайком выбрался из дворца и помчался разыскивать рыжего плута, чтобы предупредить его.

Он застал Рейнеке в самом благодушном настроении. Лис только что поймал двух выпавших из гнезда голубиных птенцов. Увидев Гримбарта, он мило приветствовал гостя:

— Рад вас видеть, племянник! Что это вы так спешите? У вас есть новости?

Гримбарт торопливо рассказал ему о последних событиях: о жалобах кролика и ворона и о решении короля.

— Знаете, — добавил он, — что если король вас поймает, вам конец! Примите меры для своего спасения...

— И это все? — насмешливо перебил его лис. — Хотя бы чуточку это меня встревожило! Пусть король и все его мудрецы хоть трижды клянутся, — стоит мне появиться, как я их всех обкручу вокруг пальца. Плюньте на них, милый мой племянник! Пойдемте, я предложу вам кое-что вкусенькое: молоденьких, жирненьких голубков! Пойдемте, жена будет вам очень рада. Но ни слова о причине вашего прихода! Завтра я с вами пойду ко двору. Надеюсь, милый мой, что вы мне поможете, как это принято между родными.

— Жизнь и все достояние я охотно отдам за вас! — воскликнул преданный барсук.

А лис ответил:

— Ваши слова я запомню, и если останусь в живых, то позабочусь о вас.

Барсук поблагодарил его и сказал:

— Смело идите на суд и защищайтесь похитрее. Вас выслушают — это главное! Леопард уже высказался за то, чтобы вас не судили, пока вы не явитесь. Королева такого же мнения. Учтите это.

Лис небрежно отмахнулся:

— Будьте спокойны, все уладится! Грозен король, но стоит мне открыть рот, как все изменится в мою пользу...

Вошли они оба в дом. Хозяйка приняла гостя очень радушно и угостила всем, что имела. Поделили голубков — и как смаковали, как облизывали лапы! Каждый съел свою долю, но, разумеется, никто не наелся. Еще бы! Дать бы каждому хоть по полдесятка и то уплели бы!

За ужином Рейнеке-лис говорит барсуку:

— Согласитесь, племянник, что у меня прелестные дети. Как вам нравится мой старший — Рейнгарт? А младшенький — Россель? Они уже кое-что помаленьку смекают: этот курочку схватит, этот — цыпленка. Даже плавать умеют и отлично ныряют. Могут добыть и утку или чибиса. Я и почаще пускал бы их на охоту, но нужно еще привить им осторожность и сноровку. Надо их научить, как оберегаться ловушек и гончих собак. Ну, а когда пройдут настоящую школу, пусть хоть ежедневно доставляют в дом добычу. В меня пошли сынки: играют в опасные игры. Только начнут — и все звери от них врассыпную! А стань им кто-нибудь на пути, так они его сразу за горло, и дело с концом. Хватка у них тоже моя! Бросаются быстро, прыжок точно рассчитан. Это я считаю главным!

— Честь и хвала вам, — заметил Гримбарт. — Это большая радость, когда дети вырастают такими, какими их желают видеть родители, и с детства стараются им помогать.

После ужина все отправились спать и отлично уснули на свежем сене. Впрочем, Рейнеке от страха долго не мог уснуть. До самого утра он томился в раздумьях. Утром он сказал жене:

— Не волнуйся: я обещал Гримбарту пойти вместе с ним ко двору. Сиди себе спокойно дома. Что бы ни болтали про меня, ничему плохому не верь и охраняй замок. Вот увидишь, все будет как нельзя лучше.

— Удивляюсь, — сказала госпожа Эрмелина, — как вы решились снова пойти ко двору, где вас так не любят?

— Конечно, — откликнулся Рейнеке, — там шутками не пахло. Но, как известно, под солнцем всяко случается: то уже держал в руках, то — ах! — все пыль и прах! Лучше уж я пойду — есть у меня там кое-какие дела. Не волнуйся, душенька. Постараюсь скоро вернуться. Запомни же мои наставления, будь умницей!..

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Когда на следующий день Рейнеке и Гримбарт шагали по привольной широкой степи, направляясь ко двору короля, лис вдруг воскликнул с веселым задором:

— Чует мое сердце, что и на этот раз все обойдется отлично! Однако, мой милый племянник, с тех пор как я исповедовался перед вами, я опять много грешил. Мне нужно снова открыть перед вами душу. Вот послушайте. Я ухитрился получить котомку из куска шкуры медведя Брауна, которую содрали с него по приказу самой королевы. С ее же согласия с ног волка и волчицы стянули для меня по паре сапожек. Все это я хитростью добыл. Я очень ловко одурачил короля: сочинил ему сказочку про сокровища, а он и поверил! Я убил бедного зайца Лямпе и свалил это преступление на невинного барана Бэллина, и тот стал жертвою королевской ярости. Кролика я тоже хватил когтями — чуть совсем не прикончил. И до чего же досадно мне было, что он убежал! Жалоба ворона тоже не выдумка: жену его Шарфенебочку я действительно уплел. Все это было уже после моей исповеди перед вами. Но об этом я тогда позабыл рассказать и непременно должен теперь в этом признаться, потому что носить такое на совести мне неприятно.

Однажды я и волк Изергим шли куда-то по своим делам и увидели в поле кобылу с жеребенком. Изергим, как всегда, был очень голоден и попросил меня:

«Узнайте-ка, не согласится ли кобыла продать мне жеребенка и сколько бы она за него взяла?»

«Ладно», — отвечаю ему. Прошел к лошади и выкинул такую шуточку. «Госпожа кобыла, — говорю вежливо, — жеребеночек этот, как видно, ваш собственный? Простите за любопытство, а не продается ли он?»

«Что же, — отвечает она, — я, пожалуй, уступлю его за хорошую цену. Эту цену, любезный, вы можете прочесть сами: она обозначена у меня под задним правым копытом».

Я сразу смекнул, что это значит, и говорю:

«Признаюсь я вам, что я мало успел и в чтении и в письме. Да и ребеночка вашего я приглядел не для себя. Это мой друг Изергим хочет его приобрести, но постеснялся спросить вас об этом».

«Пусть, — отвечает кобыла, — он сам придет. Тогда мы договоримся о цене».

Я ушел и рассказал волку, что кобыла согласна продать жеребенка и что цена обозначена у нее на правом заднем копыте.

«К моему огорчению, — добавил я, — я не смог ее прочесть, потому что ни читать, ни писать меня не учили. Вы знаете, как часто приходится мне страдать из-за моей неграмотности. Так что придется вам выяснить цену самому. Авось вы разберете, что у нее там написано...»

«Было бы странно, — ответил мне волк с гордым видом, — если б я не разобрал! Я знаю немецкий, латынь, итальянский и даже французский языки! Ведь когда-то я учился в университете у знаменитых ученых и сам имею ученое звание. Я разберусь в любом документе не хуже, чем в собственном имени! Не беспокойтесь — мордой в грязь я не ударю!»

Подошел он к госпоже кобыле и спрашивает, по своему обыкновению, очень грубо:

«Эй, вы, послушайте! Сколько стоит ваш жеребенок? Но только без лишнего!»

«Извольте, почтенный, — отвечает она, — прочесть цену у меня под правым задним копытом».

«Так покажите мне ее!» — проворчал нетерпеливо волк, а кобыла ему:

«Смотрите!»

Подняла она из травы ножку, а на ножке у нее — новенькая подкова, на шести шипах! Кобыла ни на волос не промахнулась — лягнула волка в самую голову! Волк, оглушенный ударом, упал как убитый, а лошадь ускочила прочь, и жеребенок за ней.

С добрый час провалялся Изергим без памяти, пока не пришел в себя и не завыл по-собачьи. А я подошел к нему и спрашиваю:

«Где же кобыла, дядюшка, и вкусен ли был жеребенок? Стыдитесь, дядя! Сами наелись, а про меня забыли. Долго же вы спали после обеда! А что все-таки было написано под ее задним копытом? Ведь вы такой великий ученый!»

«Ах, — вздохнул он, — вы еще издеваетесь?! Как же мне сегодня не повезло! О длинноногая кляча! Копыто ее было подковано! Шесть шипов на копыте — шесть ран на моей голове! Вот какова цена жеребенку!»

Еле он, несчастный, тогда выжил!..

Теперь, дорогой мой племянник, я признался вам во всем. Неизвестно, что решат в королевском суде, но исповедью я облегчил свою грешную душу. Простите же мои грехи и скажите, как мне исправиться.

— Что ж, — ответил Гримбарт, — мертвецы не воскреснут! Но все же я как слугитель господина бога отпускаю вам грехи, потому что враги ваши сильны, и кто знает, как окончится ваше дело: может быть, и очень печально. Вероятно, вам прежде всего припомнят голову зайца. Согласитесь, что с вашей стороны было непросчитанной дерзостью так дразнить государя. За это вы можете поплатиться, и даже очень!

— Вот уж несколько! — самоуверенно отозвался рыжий пройдоха. — В сущности, заяц сам был виноват! Он всегда меня искушал: все время мельтешил у меня перед глазами, такой жирненький, такой аппетитный! Вот я и поддался соблазну — зарезал его. Да и Бэллину я тоже не желал добра. Оба они были достаточно грубы и глупы. Зачем же мне было церемониться с ними? Я согласен, что ближних надо уважать и любить. Но таких, как они, я ни уважать, ни любить не умею. Ведь и баран и заяц были совершенно не способны к какому-нибудь делу.

Ах, дорогой племянник, посмотрите лучше, что это творится на белом свете! Хоть мы и пикнуть не смеем, да многое видим и кое-что соображаем. Возьмем, к примеру, нашего обожаемого короля. Грабить он умеет не хуже других, а что не захватит сам, то оставляет медведю и волку. Он, видите ли, вправе так поступать! И ведь никто не осмелится сказать ему правду. Молчат и наши «святые отцы» — попы разных мастей. А почему? Да потому, что кто ничего, мол, не слышит и не видит, того не обидят! Наш государь — лев, и хватка у него воистину львиная: что ему приглянется, на то и наложит лапу. Мы для него — свои, поэтому наше он тоже считает своим.

Признает он только тех, кто является к нему с хорошим подношением и пляшет под его дудку. А то, что волк и медведь снова сидят в королевском совете, испортит очень многих. Ведь они бессовестно воруют и грабят, а состоят в любимчиках. Если же такой горемыка, как Рейнеке, стянет цыпленка, на него сразу же все ополчатся, хватают и приговаривают к смерти. Как говорится, мелких воришек — вешать, крупных грабителей наградами тешить. Вот так мы все глубже погружаемся в пучину зла. Сплетни, обман, клевета, предательство, ложные клятвы, воровство, грабеж и разбой — повсюду только об этом и слышишь! А заговоришь с кем-нибудь каждый в ответ лишь отмахивается.

«Если бы грешить было так страшно, — говорят они, — то уж наверно священники наши вели бы самую праведную жизнь. А между тем и они грешат, да еще как!»

Так, ссылаясь на дурные примеры, люди становятся похожими на обезьян, которые умеют лишь подражать, не отличая зло от добра.

Этих капюшонников-монахов я тоже знаю отлично. Все они бесстыжие обманщики! Вечно что-то гнусаво бормочут, будто молятся богу.

Только глаза людям отводят! Льнут к богатым и знатынам, поддакивают им во всем и направляются в гости. Позовешь одного — с ним придет второй, а назавтра еще трое-четверо новых.

Ну, а вся божественная рать при папе римском: все эти легаты, прелаты, аббаты и пробсты... [8] У них на уме одно: отдай мне твое, а моего не касайся!..

— Послушайте, дядюшка! — перебил лиса возмущенный барсук. — Что это вы всё чужие грехи обличаете? Вряд ли это вам поможет! Хватит с вас и ваших собственных! Впрочем, говоря по правде, из вас получился бы чудесный проповедник. Я сам охотно слушал бы ваши проповеди, чтобы набраться мудрости. Ведь мы, божьи служители, и в самом деле грубияны, невежды, ханжи!..

Они уже приближались ко дворцу, когда им повстречался Мартын-обезьяна, направлявшийся по делам в Рим.

— Мужайтесь, мой милый! — сказал Мартын лису и стал подробно расспрашивать обо всех его делах.

— Ах, — грустно ответил ему Рейнеке. — Как видно, за последнее время счастье от меня отвернулось. Какие-то воры снова на меня клеветают, особенно ворон и кролик. Один, мол, потерял жену, а другой — ухо! А при чем тут я? Конечно, если бы я мог лично поговорить с королем, обоим клеветникам пришлось бы не сладко! Хуже всего, однако, что с меня до сих пор не снято папское отлучение от церкви. Я отправился бы в Рим, но... семья! Ведь в мое отсутствие Изергим и другие мои враги постараются всячески ей навредить. Ах, если б с меня сняли отлучение! Тогда я снова попытал бы счастья при дворе!

— Как это кстати! — воскликнул Мартын. — Я как раз отправляюсь в Рим и похлопочу там за вас. Не бойтесь, я добьюсь, чтобы с вас сняли отлучение назло вашим недругам. Римские порядки мне хорошо известны. У меня есть в Риме дядя, личность весьма почтенная и заступник всех тех, кто не приходит с пустыми руками. Есть там еще некий Плутос, есть доктор Грабастай, Паскудаветер, Ненадейтесь и судьи Дукат и Динарий [9]. Все это мои друзья. Все они любят говорить о законе, о судебных порядках, а на уме у них только деньги. Выложил денежки — прав, а если денег мало — ваше дело пропало! Одним словом, дядюшка, все ваши хлопоты я беру на себя, а вы, придя во дворец, обратитесь к моей супруге Рюкенау. Она редкая умница и всегдашняя заступница за своих друзей. К тому же ее очень любят король и королева. Немало есть при дворе и других ваших родственников. Все они готовы вам помочь. Так что не унывайте и не падайте духом. Государю пора наконец понять, что в его высочайшем совете самые умные — мы, обезьяны и лисы!

— Вы меня очень утешили! — сказал ему Рейнеке, и они распростились.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Направляясь к королевскому двору, Рейнеке надеялся, что сумеет отбиться от обвинений. Но, увидев, сколько там собралось его недругов, как они кипели злобой к нему, как жаждали его гибели, он приуныл и усомнился в благополучном окончании своего дела.

Однако, в сопровождении Гримбарта, он с гордым и дерзким видом прошел мимо собравшихся. Гримбарт шепнул ему на ухо:

— Не робейте, Рейнеке! Счастье робкому не дается, а кто рискует — тот часто выигрывает!

— Истинно так! — подтвердил Рейнеке. — Благодарю вас за поддержку. Если я опять окажусь на свободе, я вспомню о вас.

Он осмотрелся и заметил многих своих родичей. Но доброжелателей было все-таки мало: ведь большинству он успел насолить. Даже змеи и те считали его негодяем и гадом. И все же в зале был кое-кто из его друзей.

Рейнеке стал перед тронном на колени и с достоинством произнес:

— Всемогущий бог да хранит вас, дорогой мой король, а также вашу супругу, и пусть он дарует вам обоим много мудрости, дабы вы всегда отличали правду от кривды, потому что на свете все больше процветают неправда и фальшь! О, если б государь мог читать наши самые сокровенные мысли, он узнал бы тогда, как ему предан Рейнеке-лис! Многие меня чернят, клеветают на меня. Но кто? Негодяи! Им нужно лишить меня вашего расположения, которого якобы я недостоин! Но разве я не уверен в справедливости моего государя? Нет, он никогда не сойдет с пути правосудия и правды!..

Все изумлялись дерзости Рейнеке и старались протиснуться ближе, чтобы лучше слышать, что он там врет. Ведь его преступления были доказаны, и он не мог их опровергнуть.

— Негодяй! — закричал король. — На этот раз ты болтовней не спасешься! Тебе пришел конец! Нападением на кролика и воро?ну ты хорошо доказал свою преданность мне. Да, ты мастер подлых проделок, но теперь твоим бесчинствам конец!

«Что со мной будет? — в ужасе думал Рейнеке. — Только бы мне до дому добраться! Что бы такое придумать? Я испробую все, но должен спастись!»

— О мой великий и благородный король! — заговорил он снова. — Раз вы считаете, что я достоин смерти, значит, простите, вы не совсем разобрались в сути дела. Выслушайте меня, государь, и вы узнаете, на чьей стороне правда. Неужели вы полагаете, что я осмелился бы появиться здесь перед вами, если бы чувствовал за собой хотя бы малейшую вину? Разумеется, нет! Ни за какие сокровища мира! Я жил спокойно в своем замке, ни в чем себя виновным не чувствовал, потому и явился. Но прихожу я сюда и здесь на меня валятся обвинения. Что ж, пусть мои хулители посмеют уличить меня в глаза! Возводить напраслину на отсутствующего не трудно, но нельзя осудить его, не выслушав. А я клянусь вам, мой государь, что этим притворщикам, кролику и во?рону, я всегда делал только добро!

Позавчера поутру повстречался мне кролик. Он почтительно со мной поздоровался и сказал, что идет ко двору. Я сердечно пожелал ему счастливого пути, но он вдруг стал плакаться, что очень устал и проголодался. Тогда я предложил накормить его и подал ему вишни и

масло. Тут подбегает мой младший сыночек — смотрит, не осталось ли чего: детишкам ведь остатки сладки. А кролик так угостил его лапой, что разбил малышу мордочку в кровь. Это увидел мой старший сын, Рейнгарт, и вступился за брата, как следует потрепал обидчика. Вот и все. Ни больше ни меньше! Я наказал мальчишек, но если кролику от них досталось, то лучше бы он помалкивал: что заслужил, то и получил. Я оторвал ему ухо! Скажите пожалуйста! Это для него честь и отметка на память!

Теперь о вороне. Приходит и жалуется: он, мол, жену потерял и якобы я ее убил. А сам мне рассказывал: она умерла оттого, что проглотила большую рыбу вместе с костями. Как это было, он, конечно, знает лучше меня. Но не он ли сам ее умертвил? Пусть мне разрешат его допросить, тогда он запоет другое!

Уж если меня хотят уличить в таких преступлениях, то пусть выставляют верных свидетелей. А если свидетелей нет, то по закону я имею право на поединок с клеветником. Я готов биться с любым противником, равным мне по происхождению. Назначьте время и место!..[10]

Своей вызывающей речью Рейнеке так изумил присутствующих, что все остолбенели. А ворон и кролик поспешили покинуть королевский двор, потихоньку переговариваясь:

— Судиться дальше — бессмысленно! Мы с ним не сладим. Свидетелей у нас нет. Мы же еще и виноватыми останемся. Ну его к черту, этого наглого разбойника! Уж мы-то знаем его: лжец, хитрец и подлец, погубит десяток таких, как мы...

Изергим и Браун хмуро следили за тем, как эта парочка кралась к выходу. Тошно у них было на душе. В это время послышался голос короля:

— Кто здесь с жалобой? Подходите! Обвиняемый прибыл.

Но никто не решился выйти вперед, и Рейнеке нагло усмехнулся:

— Видите, клеветают, клеветают, а как на очную ставку, так поскорее домой! Эти подлецы, ворон и кролик, рады были мне навредить. Но бог с ними! Стоило мне появиться, и они от своих обвинений отказались. Видите, как опасно доверяться клеветникам...

— Слушай! — воскликнул король. — Отвечай-ка мне, подлый предатель, за что ты убил бедного Лямпе, моего верного письмоносца? Я ли не простил твои преступления! Я ли не оказывал тебе благодеяния, веря в твое исправление! И вот благодарность за это! Баран Бэллин приносит мне твою котомку. Он уверяет, что в ней лежат письма, написанные вами обоими. И что же? В котомке оказывается голова зайца! Бэллина я за это отдал на растерзание волку, теперь очередь за тобой!..

— Что я слышу! — закричал рыжий плут. — Лямпе убит! О, лучше бы я сам умер! Какое несчастье! Ведь с ними, великий государь, я отправил вам драгоценности, каких на свете не сыщешь! Но кто бы мог заподозрить барана в том, что он убьет зайца и похитит ваши сокровища?.. Да, где ни капкана, ни ямы не ждешь, там в ловушку и попадешь!

Король так разгневался, что не пожелал дослушать до конца вдохновенную ложь Рейнеке и удалился в свои покои. Там он застал королеву с ее фрейлиной — мартышкой Рюкенау. Эта обезьяна была любимицей королевской четы. Была она умной, просвещенной, красноречивой и пользовалась всеобщим уважением. Заметив, что король раздражен, она начала издаലെка:

— О государь! Вы никогда не жалели, что выслушивали мои просьбы, и простили меня, если я осмеливалась смягчать ваш гнев. Не откажите мне и на этот раз в вашей королевской милости. Кем бы ни был Рейнеке, он мой родственник, и я думаю: раз уж он явился на суд, значит, он не виноват.

— Почему, — возразил ей король, — вас так удивляет, что я возмущен поведением Рейнеке-лиса, этим вором и разбойником, который убил зайца, соблазнил на преступление барана, а теперь столь нагло все отрицает, да еще хвалится своей верностью мне? Вы знаете, сколько вреда причинил он всем нашим верным подданным и всему государству?! Нет, дальше терпеть это невозможно!

— Все это так, — согласилась обезьяна. — Не забудьте, однако, государь, что у Рейнеке много завистников. Не все способны поступать мудро и другим давать мудрые советы. А ведь лис часто выручал вас своим умом и сметливостью.

Вспомните хотя бы тот случай, когда человек судился со змеей и никто не мог разобраться в этом деле. Один Рейнеке нашел выход из положения, за что и был вами перед всеми отличен.

— Я что-то припоминаю, — сказал король, — но позабыл, в чем заключалось дело. Может быть, вы напомните мне подробности?

— Если вашему величеству это угодно, — поклонилась мартышка, — я расскажу. Ровно два года тому назад к вам пришла с жалобой змея. С ней явился один крестьянин, который уже дважды с нею судился и оба раза дело проигрывал. Однако он отказывался подчиниться решению суда. А тяжба велась вот из-за чего.

Однажды змея переползала через забор и, на свою беду, попала в потайную петлю. Петля сразу стянулась, и змея лишилась бы жизни, не появившись, на ее счастье, случайный прохожий. В смертельном ужасе змея закричала:

«Спаси меня!»

«Я согласен, — ответил человек, — и выну тебя из петли, потому что мне тебя жаль. Но сначала поклянись, что не сделаешь мне ничего дурного».

Змея поклялась страшной клятвой, и человек ее спас. Пошли они дальше уже вместе. Вдруг змея почувствовала жестокий голод и бросилась на человека, намереваясь его удушить и проглотить. Несчастный успел отскочить в сторону и говорит змее:

«Такова-то твоя благодарность? Не ты ли клялась, что не тронешь меня?»

А змея ответила:

«Голод заставил меня. Я ничего не могу с ним поделать: «нужно» с «нельзя» не дружно! Выходит, что я не виновата».

«Погоди, — возмутился человек, — пощади меня, покуда мы не встретим кого-нибудь, кто справедливо нас рассудит!»

«Что ж, — согласилась змея, — я могу немного потерпеть. Идем!»

Пошли они дальше — встретился им ворон по имени Теребиклюй и с ним вороненок Каркарлера.

«Будьте любезны, рассудите нас», — обратилась к ним змея.

Ворон внимательно выслушал обоих и сразу изрек:

«Человека надо сожрать!»

Понятно, он тоже рассчитывал поживиться куском человеческого мяса. Змея возликовала:

«Значит, я права, и никто меня не осудит!»

«Нет, — возразил человек, — я еще не проиграл! Разбойник ворон не смеет приговорить меня к смерти единолично. Я требую, чтобы меня судили несколько судей!»

Змея снова согласилась. Отправились они дальше уже вчетвером и встречают на дороге волка с медведем. Тут несчастному человеку стало совсем уже страшно: шутка ли оказаться одному среди пяти таких молодчиков! Волк и медведь очень скоро сошлись в своем приговоре:

«Змея имеет полное право умертвить человека, потому что безжалостный голод не признает никаких законов. А клятва — нигде не помеха нужде!»

Путник понял, что все они жаждут лишить его жизни. «Это самоуправство! — воскликнул он в ужасе. — Кто сделал змею хозяйкой моей жизни?!»

«Но ты дважды слышал приговор суда, и оба раза он был в мою пользу!» — ответила змея.

«Все твои судьи, — возразил человек, — сами живут грабежом и разбоем! Я не согласен им подчиниться. Пусть нас рассудит король! Его приговору, даже самому страшному, я подчинюсь беспрекословно!»

«Что ж, пойдем к королю, — ядовито хихикнули волк и медведь, — но несомненно и его решение будет в пользу змеи».

Уверенные в том, что королевский двор их поддержит, змея, волк, медведь и два ворона предстали перед вашим величеством. Волк успел даже прихватить с собой двух своих сынков — Пустобрюха и Ненаедея. Оба эти оболтуса так несносно выли перед вами, дожидаясь своей доли, что вы, наконец, были вынуждены прогнать их прочь. Тогда человек поведал вам, что змея, несмотря на свою клятву, хочет его умертвить, хотя он спас ее от верной смерти. Змея и не думала отпираться. Да, все верно, но ее вынудил всемогущий голод, который не знает ни клятв, ни законов.

Вы тогда очень огорчились, мой великий государь! Дело казалось вам щекотливым и трудным. Вы считали большой жестокостью обречь на смерть столь добросердечного человека. Зная, однако, что для голода действительно нет закона, вы созвали придворный совет, но большинство в нем высказалось против человека: каждый мечтал пообедать — и все они стали на сторону змеи. Тогда вы послали гонца за Рейнеке и предоставили приговор на его усмотрение: как, мол, он решит, так и будет!

Рейнеке ненадолго задумался и сказал: «Мне нужно сначала обследовать место, где все это произошло. Когда я увижу змею в петле, в том самом положении, в каком ее застал человек, я буду знать, как решить дело».

Все направились к тому забору и сунули змею в ту же петлю, из которой ее освободил человек.

И тут Рейнеке объявил свое решение:

«Оба теперь снова находятся в том положении, в котором они были при своей встрече. Если человеку угодно опять вынуть змею из петли, пусть вынимает. А если ему это не угодно, то пусть идет своей дорогой. Змея оплатила человеку коварством за его благодеяние, и он теперь вправе поступить с ней по своему усмотрению!..»

Вам, ваше величество, и вашим советникам это решение лиса очень тогда понравилось. Человек вас благодарил, и все восхваляли мудрость Рейнеке, в том числе и сама королева. Много тогда говорилось о том, что для военной драки волк Изергим и медведь Браун очень подходят. Оба и ростом велики, и сильны, и смелы — что правда, то правда. Но в делах государственных им частенько не хватает ума. К тому же они чаще бахвалятся своей силой сидя дома, а во время битвы стараются отсидеться в резерве. Говоря по правде, ваше величество, эти волки с медведями только губят страну: их ничуть не заботит, чей дом горит и кто несчастные жертвы пожара, были бы только горячие угли — погреться. Никого они не жалеют и только и делают, что без стыда и совести брюхо себе набивают. Яйца съедают сами, а беднякам оставляют одну скорлупу и полагают при этом, что делятся честно! А Рейнеке-лис, как и вся его лисья порода, мудр и советом силен. Бывает, конечно, что и он порой в чем-либо провинится — он ведь не каменный. Зато советника лучше его вы не найдете. Я очень прошу нас, мой государь, простить его снова.

— Что ж, я подумаю, — ответил король. — Действительно, тем приговором лиса я был доволен. Но сам он отчаянный плут, и в его исправление я не верю! Он всегда вывернется, всегда всех обманет. Волк, медведь, кот, кролик и ворон по сравнению с ним наивные младенцы. Чего только они не натерпелись от него! Один остался без уха, другой — без головы, третий — жены лишился! Я удивляюсь, как вы можете заступаться предо мной за такого неисправимого злодея!

— О государь! — воскликнула обезьяна. — Осмелюсь напомнить вашему величеству, что род его знатен и многочислен, и вам не выгодно с ним ссориться...

Король вернулся к придворным и увидел в их толпе много родичей лиса. Все они собрались, чтобы поддержать своего главаря — Рейнеке. Однако король приметил и многих врагов лиса. Казалось, весь королевский двор разделился на два лагеря.

— Послушай, Рейнеке, — произнес король, — оправдайся, если можешь, в подлом злодеянии, которое ты совершил вместе с бараном, в том, что вы убили кроткого Лямпе и, желая наглумиться надо мной, прислали мне его голову под видом секретных писем. Повторяю: Бэллин уже заплатил за это жизнью, теперь ты расплатишься тем же!

— О, горе мне! — скорбно воскликнул Рейнеке. — Лучше бы я сам умер! Выслушайте меня, государь, и если я виноват, то казните меня сразу! Моя песенка спета! Знайте: я доверил барану и зайцу сказочный клад короля Эммериха. Эти сокровища стоили жизни бедному Лямпе! Бэллин похитил все! Если бы только удалось их найти... Боюсь, однако, что они безвозвратно исчезли!

— Не надо отчаиваться, Рейнеке! — вмешалась мартышка Рюкенау. — Если эти сокровища на земле, то всегда остается надежда. Будем ходить и расспрашивать всех встречаемых и поперечных днем и ночью. Но опишите, Рейнеке, каковы они были, эти ваши драгоценности.

— О, они неописуемы! — воскликнул лис. — И пропали бесследно... Тот, кто их присвоил, разумеется, и припрятал так, что не найдешь. Ах, какой удар ожидает мою жену Эрмелину! Она предупреждала меня: «Не доверяй ни одному из них!» А тут на меня еще возвели поклеп и, чего доброго, осудят на смерть! Нет, я докажу свою правоту! Если я буду оправдан, то обойду все царства, все страны и постараюсь найти пропажу хотя бы ценой своей жизни!..

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

— Позвольте же теперь, мой благородный повелитель, — сказал плут-краснобай, — поведать вам о тех невиданных драгоценностях, которые я предназначал для вашего величества. Вы их, к несчастью, не получили, но ведь и добрые намерения похвальны.

— Говори, — согласился король, — да смотри не очень-то разглагольствуй!

— Первой из драгоценностей, — начал свой рассказ Рейнеке, — которую я вручил Бэллину для передачи вам, мой государь, был старинный перстень из чистейшего золота и отлитый необыкновенно искусно. Ах, как он блистал бы в вашей королевской сокровищнице!

Внутреннюю сторону перстня испещрил письменами знаменитейший в старину мастер-гравер и залил письмена цветной прозрачной эмалью. Письмена составляли три древнееврейских слова с особым тайным значением, которые никто из нас не смог бы прочесть и понять. Разобрать их сумел лишь один старый мастер из Трира по имени Абрион. Это ученый еврей, превосходно знающий множество языков и наречий. Кроме того, он лучший знаток всех лекарственных трав и драгоценных камней.

Он осмотрел мой перстень и так мне сказал: перстень этот обладает волшебным свойством: кто его носит на пальце, тот избавлен от всяких опасностей. Ему не страшны громы и молнии, колдовство и злые заклятия. Далее Абрион открыл мне, что обладатель перстня не замерзает в самую лютую стужу и спокойно доживает свой век до глубокой старости.

В перстень был вправлен редкий по яркости карбункул. В темноте он вспыхивал, озаряя все вокруг, и был наделен волшебной силой: каждый, кто прикасался к нему, исцелялся от любой болезни и от печали. Только над смертью был он не властен.

Перстень, найденный мною среди отцовских сокровищ, обладал и другими волшебными свойствами, перечислить которые невозможно. Разумеется, я сознавал, что не достоин такой драгоценности. «Только один наш великий государь, — говорил я себе, — тот, кто всех благороднее и от кого зависит все наше благополучие, имеет на него право!» Я мечтал охранить ваше величество от печалей и бедствий и отослал перстень вам!

Нашей государыне королеве я послал с Бэллином гребень и зеркало. Лучших произведений искусства еще не было в мире! Как любовалась ими моя жена, как мечтала оставить их у себя! Мы из-за этого даже поссорились, но я настоял на своем и решил презентовать гребень и зеркало своей повелительнице, которая оказала мне столько милостей и так часто выручала меня из беды.

Увы, государыне не пришлось даже взглянуть на них, а теперь они навеки пропали!

Гребень я могу вам описать. Он был вырезан мастером-художником из кости пантеры. Пестрая шкура пантеры распространяет приятнейший аромат, и поэтому звери любят ходить по тропам, по которым проходит она. А после смерти пантеры этот аромат проникает в ее кости, придавая им вечную нетленность.

Высокую спинку гребня украшал прекрасный узор: изящные переплетения золотых виноградных ветвей с алой и синей эмалью. На средней части гребня был изображен знаменитый миф о юном красавце Парисе, который однажды повстречал у колодца трех божественных женщин, трех прославленных красавиц и непримиримых соперниц: Афины Палладу, Геру и Афродиту. Между ними шел спор из-за золотого яблока, на котором стояла надпись: «Красивейшей». А так как каждая из этих женщин считала себя лучше других, то они решили сделать судьей в этом споре Париса.

Юноша растерялся. Нелегко ему было решить, кто из трех спорщиц краше других. Тогда Гера сказала ему: «Если ты признаешь самой

красивой меня, ты станешь богаче всех людей на земле». «Зато, — возразила Афина Паллада, — если ты отдашь яблоко мне, ты станешь самым могущественным человеком на свете».

Но тут заговорила Афродита:

«Что — власть! Что — богатство! Разве твой отец Приам не владыка Трои? Разве у твоих братьев мало богатств? Признай меня самой прекрасной, и я награжу тебя воистину бесценным сокровищем: тебя полюбит красивейшая из женщин — Елена Прекрасная!»

Подумал Парис и отдал яблоко Афродите, тем более что из трех она была действительно самой красивой.

Теперь о зеркале. Оно было не стеклянным, нет, вместо стекла в него был вставлен камень берилл исключительной чистоты. Что бы и где бы ни происходило в мире днем или ночью — все отражалось в этом камне. А если на лице появлялся хотя бы малейший недостаток — еле заметное пятнышко или бородавка, — стоило взглянуть в зеркало, и недостаток тотчас исчезал... Не мудрено, что я так горюю об этой пропаже!..

Зеркало было вправлено в раму из дерева редкой породы: жуки не точат его и оно ценится дороже золота. В старину, еще при царе Кромпарде[11], мастер-искусник сделал из этого дерева чудо-коня: конь за один только час уносил седока больше чем на сто миль! Как именно был сделан этот конь, я не знаю; знаю только, что такого коня никогда не бывало на свете!

Но вернусь к описанию зеркальной рамы. Она была овальной и сплошь покрыта резными картинками. Под каждой картинкой был вытиснен золотом рассказ к ней. Я могу передать вам их содержание.

Первый рассказ — о завистливой лошади. Однажды вздумала она состязаться в беге с оленем. Конечно, лошадь сразу же отстала и ужасно огорчилась. Но тут она заметила пастуха и обратилась к нему с просьбой:

«Если ты послушаешься меня, — сказала ему лошадь, — то найдешь свое счастье. Живо садись на мою спину, и помчимся в тот лес. Там скрылся крупный олень. Подумай, какая добыча! Мясо, мех, рога — все это ты можешь продать за хорошие деньги!»

«Попробовать можно», — отвечает пастух, садится верхом, и они мчатся в лес. Вскоре они замечают оленя и скачут за ним, но он оставляет их далеко позади. Лошадь выбилась из сил. «Подожди, — сказала она человеку, — слезь! Я устала. Мне нужно отдохнуть». — «Нет, — возразил ей всадник, — теперь ты обязана мне подчиняться. Сама этого хотела — так скачи дальше! А заартачишься, мои острые шпоры научат тебя послушанию!» Вот как бывают наказаны те, кто готовы сами мучиться, лишь бы другой пострадал еще больше!

На другой картинке была изображена такая история. У одного богача служили осел и собака. Собака была хозяйской любимицей, как говорится, его фавориткой. Она сидела с ним за одним столом, ела то же, что и он, то есть рыбу и мясо, и спала у него на коленях. Ее покровитель баловал ее, а собака мило виляла хвостом и усердно лизала хозяйину руки и бороду.

Осел наблюдал счастливую жизнь дармоедки, и в ослином сердце все больше закипала горечь обиды. «И чего только глупый хозяин нянчится с этой никчемной бездельницей? — думал осел. — Ей только и работы — скакать перед ним и лизать его! А мне приходится вечно трудиться. Десять собак не сделают за целый год того, что я успеваю за один месяц! Чем только эту подлизу не кормят! А мне дают одно сено! Сплю я на голой земле, а когда меня гонят с поклажей или ездят на мне верхом, то еще надо мною же и смеются. Хватит с меня! Теперь я понял, чем нужно заслужить хозяйскую любовь!»

Едва осел это подумал, как навстречу хозяин. Длинноухий глупец задрал хвост, вскочил на дыбы и, подражая собаке, стал лизать хозяйину лицо и прижиматься слюнявой мордой к его щеке. Набил он бедняге несколько шишек, и тот в смертельном испуге пустился бежать, голая как безумный: «Осел мой взбесился! Люди, на помощь! Спасите!.. Убейте осла!..» Хватил тут побоев длинноухий дурак от сбежавшихся слуг! Загнали его в стойло, и осел так и остался ослом на всю жизнь!

Многих приходилось мне встречать из той же длинноухой породы: к чужому успеху зависть их мучит, но уму ничего не научит! Стоит им разбогатеть или получить власть, и они начинают вести себя, как свиньи. Посади свинью за стол, она и ноги на стол! Осел на то и осел, чтобы таскать мешки и спать на соломе. Его ничем не исправишь. И нет хуже напасти, чем если осел дорвался до власти!

Третья история, изображенная на раме зеркала, повествовала о том, как мой отец и кот Гинце заключили между собой союз и отправились странствовать, поклявшись всегда выручать друг друга в беде и делиться всякой добычей. Только вышли они в путь, как навстречу им охотники со сворой борзых. Тут Гинце ежидно замечает моему отцу:

«Добрый совет — нам и в пост обед».

А мой старик ему ответил:

«Добрых советов для вас я полную сумку припас! Но гораздо важнее помнить о нашей взаимной клятве и стойко держаться друг друга!»

«Может быть, — сказал Гинце, — но в подобном случае я знаю лишь одно средство, которым сейчас и воспользуюсь». С этими словами он прыгнул на ближайшее дерево.

Оставшись один, мой отец в страхе застыл на месте, а Гинце сверху мурлычет:

«Ну, дядюшка, как ваши дела? Не пора ли вам открыть сумку и в припасенных советах найти самый лучший из них».

В эту минуту охотники затрубили в рог, и отец мой обратился в бегство. Борзые со свирепым лаем помчались за ним и, не успев отец юркнуть в одну незаметную нору, он стал бы добычей борзых. Вот как Гинце показал свое «благородство» и свою «доблесть».

Впрочем, на свете есть немало других фруктов. Лично я Гинце простил, хотя уважать таких, как он, я не способен.

На раме была еще одна картинка, об одной из проделок волка, о том, как он умеет быть «благодарным».

Однажды он нашел на лугу конский скелет. С голоду он стал жадно его обгладывать, и сразу же одна крупная острая кость застряла у него в горле. Волк страшно перепугался. Он разослал посыльных звать на помощь хирургов, но ни один лекарь ему не помог, хотя он обещал большое вознаграждение. Наконец к нему пришел длинноногий журавль в красном берете.

«Доктор, спасите меня! — умолял его волк. — Скорее выньте из горла эту проклятую кость. Я торговаться не стану!»

Журавль поверил ему, засунул длинный свой клюв вместе со всей головой в пасть пациента и очень искусно вытащил кость.

«Ой, — завыл волк, — как мне больно! Ты повредил мне горло! Ну, так и быть, на сей раз я тебя прощаю, но впредь работай осторожней. Будь на твоём месте кто другой, он поплатился бы за свою небрежность!»

«Что вы! — удивился журавль. — Успокойтесь! Теперь вы здоровы. Я честно заработал свой гонорар — оказал вам помощь и спас от мучительной смерти».

«Видел ли кто-нибудь такого нахала?! — возмутился волк. — За причиненный мне вред он еще требует платы! Ты забыл, что это я оказал тебе милость: ведь твой клюв вместе с твоей пустой башкой находился в моей пасти, я мог бы вмиг тебя обезглавить, но пощадил, хотя ты причинил мне страдание. Нет, вознаграждение по праву полагалось бы мне!»

Да, ваше величество, мошенники часто именно так платят за услуги! — добавил Рейнеке и продолжал: — Как огорчил я своих деток, когда унес это зеркало из дому! Они так любили резвиться перед ним, смотреть, как забавно болтаются сзади их хвостики, смеяться над собственными мордочками и корчить смешные гримасы!.. Разумеется, я не предвидел смерти честного Лямпе, когда без всякой расписки вручил ему и Бэллину свои богатства. Ведь я вполне верил им обоим и считал, что лучших друзей у меня никогда не будет... Берегись же, убийца! Я выясню, кто похитил и спрятал мои драгоценности! Рано или поздно преступник всегда бывает обнаружен! Может случиться даже, что кое-кто из присутствующих здесь укажет, где скрыта пропажа и кто убил несчастного Лямпе.

О мой дорогой государь! Вам приходится ежедневно разбирать столько серьезных дел, что упомнить их все вы, конечно, не можете. Но не сохранилась ли в вашей памяти одна большая услуга, которую оказал вашему покойному отцу мой покойный отец? Осмелюсь напомнить вашему величеству, что старик мой пользовался при вашем отце-государе большим почетом как многоопытный врач. Он умел мудро определить суть любой болезни и способ ее лечения. Он знал все рвотные и слабительные средства и, кроме того, был искусным дантистом: шутя выдергивал больные зубы так, что пациент и крикнуть не успевал.

Вам было всего три года, государь, когда отец ваш слег от какой-то тяжелой болезни. Он уже не мог ходить, и его приходилось носить в кресле. Созвал он самых прославленных из медицинских светил, но ни один из них не взялся его исцелить. Тогда он послал за моим отцом. Мой старик пришел, осмотрел государя, определил у него крайне опасный недуг и очень расстроился.

«Ваше величество! — воскликнул он взволнованно. — Как охотно я расстался бы с собственной жизнью, когда бы мог этой ценой спасти вашу! Но если вы хотите выздороветь, и поскорее, вам придется немедленно съесть волчью печеньку. Предупреждаю: волк должен быть не моложе семи лет. Не забывайте, государь, ваша жизнь в опасности!»

Волк, который находился тут же, был, разумеется, далеко не в восторге от предложения моего отца, и, когда ваш покойный отец очень вежливо обратился к нему: «Надеюсь, что вы, сударь, не откажетесь пожертвовать мне вашу печень, поскольку дело идет о моей жизни?» — он нагло ответил:

«Моя печень для вас бесполезна: мне еще и пяти лет не исполнилось».

«Вздор, болтовня! — рассердился мой отец. — Это не помеха: я сам определю это!»

Конечно, волк был тут же взят поварами на кухню, и печень его оказалась вполне подходящей. Отец ваш съел ее, и все боли прекратились, тяжелый недуг миновал! За это покойный король щедро наградил моего отца и повелел, чтобы отныне весь двор величал его не иначе как доктор.

С той поры мой отец всегда находился по правую руку от государя и получил почетную золотую пряжку и алый берет, чтобы все встречные отдавали ему высшие почести. К сожалению, с его сыном, то есть со мной, так обращаются, да и об отцовских заслугах давно забыли! Зато плуты и подлецы, что заботятся лишь о своей наживе, возвысились и пребывают в почете!

Ах, государь! Эти жадные волки думают только о себе. Они не жертвуют даже каким-нибудь пустяком ради спасения жизни своего государя! Ведь отказался же волк послужить покойному королю своею печенью. А по мне, пусть подохнут двадцать волков, лишь бы дольше жили наш обожаемый государь и его супруга!

— Послушай, Рейнеке, — промолвил наконец король, — ты разглагольствовал здесь достаточно долго, и я тебя выслушал. Допустим, что твой отец действительно был при моем отце-короле уважаемой персоной. Но сколько же этому лет! Сам я отцовских дел не помню и об этой истории ни от кого не слышал. Зато о твоих проделках мне приходится слышать достаточно часто. Вечно ты в чем-то замешан, вечно ходят о тебе нехорошие слухи. Быть может, все это сплетни и злая напраслина, однако я хотел бы хоть раз услышать о тебе что-нибудь хорошее...

— Мой повелитель! — воскликнул Рейнеке. — Дайте мне объясниться: вашим упреком я задет за живое. Надеюсь, вы не забыли тот случай, когда мы с волком однажды затравили свинью. Тут вы, ваше величество, подошли к нам вместе с супругой и сказали, что вы очень голодны и что если мы уделим вам часть нашей добычи, это сильно подкрепит вас обоих. Изергим буркнул в ответ что-то вроде

«пожалуйста», но не очень внятно — и так понимай и этак, я же сказал не колеблясь:

«Мой государь! Вы имеете право хоть на сотню свиней! Кому прикажете делить добычу?»

Вы изволили указать на волка. Изергим был этим очень доволен и стал делить, как обычно он делит, то есть бессовестно. Вам он оторвал четвертинку, вашей супруге — другую, сам ухватил половину, а мне уделил от своих щедрот лишь свиные уши да рыло. Вы, государь, были тогда очевидцем волчьего неблагородства. Свою долю вы изволили съесть, но я отлично видел, что вы не насытились. Зато Изергим ничего не заметил и продолжал, громко чавкая, жрать, а вам не предложил ни кусочка добавки.

Тут уж вы вышли из терпения и собственной лапой огрели его по затылку, содрав шкуру с башки, так что он, завывая от боли, бросился прочь с окровавленной плешью.

«Вернись! — закричали вы ему вслед. — Научись приличию! Впредь со мной делись по-иному, не то пожалеешь! А теперь убирайся и поскорее раздобудь нам хорошей еды!»

«Мой государь, — предложил я вам, — коли так, разрешите мне отправиться вместе с волком». Вы согласились. Изергим был в плохом настроении: рана на его голове кровоточила; но я подгонял его, и вскоре мы затравили теленка. А ведь вы так любите телятину! Теленок был упитанный, и вы остались довольны.

«С тобой, Рейнеке, — сказали вы мне, — двор мой не пропадет!»

Теленка поделить вы поручили на этот раз мне, и я сказал:

«Государь! Вам причитается одна половина добычи, королеве другая. Легкие, сердце и печень принадлежат вашим детям. Ножки я возьму себе — я большой любитель телячьих ножек. Самое вкусное — голову — я оставляю для волка».

Вы соизволили спросить меня:

«Где и у кого научился ты так по-придворному делить добычу?» А я указал на волка и ответил:

«Вот мой учитель, этот, с окровавленной плешью. Сегодня он открыл мне на это глаза. Теперь — что хрячок, что бычок — поделю безошибочно точно».

Так, государь мой, я не раз доказывал вам свое уважение. Все, что я имею теперь, и все, что приобрету в будущем, я предназначаю вам и королеве. Мало это будет или много, вам достанется львиная доля. Вспомните только свинью и теленка — и вы поймете, кто вам истинно предан. Может ли волк Изергим сравниться в этом с Рейнеке-лисом?

Мои враги очернили меня, но вот мой ответ: кто меня обвиняет, пусть предъявит улики или выставит верных свидетелей и поручится перед судом всем своим достоянием, как говорится, «ухом и духом». Так же поручусь и я. И самое дело должно быть разобрано честно и строго. Я вправе этого требовать.

— Так или иначе, — заметил король, — я не собираюсь мешать правосудию. Мне это противно! Однако очень велико подозрение, что ты соучастник убийства честного зайца Лямпе. Я был к нему нежно привязан, и мне больно думать, что его уже нет в живых. О, как я был потрясен, когда из котомки извлекли его голову! Баран Бэллин был казнен на месте, а ты, если можешь, оправдайся перед судом... Что касается меня, — продолжал король, обращаясь к присутствующим, — то должен сказать, что я лично снова простил Рейнеке, потому что во многих трудных случаях он доказал мне свою преданность. Если же здесь найдется какой-нибудь жалобщик, то пусть он подкрепит свои обвинения надежными свидетельствами.

— О, благодарю вас, государь! — восторженно воскликнул Рейнеке. — Позвольте свято вас заверить, что я очень горевал, отпуская Бэллина с Лямпе, как будто что-то предчувствовал. Ведь я сам сердечно любил их обоих...

Так — слово за словом — Рейнеке-плут снова опутал всех своей хитрой ложью. Он так расписал свои «небывалые» сокровища — и действительно небывалые, потому что их никогда и не было на свете, — и держался при этом с таким достоинством, что его дерзкая выдумка многим показалась чистой правдой. Кое-кто пытался даже утешить притворщика. Сам король Нобель размечтался о драгоценностях, которые сулил лис, и полностью поверил обманщику.

— Успокойтесь и отправляйтесь в дорогу, — благожелательно сказал он Рейнеке. — Ищите сокровища, а если вам понадобится моя помощь, она будет вам оказана.

— Вашей милости я не забуду, — ответил радостно Рейнеке. — Дело покуда темно, но оно прояснится. Я буду странствовать денно и нощно и спрашивать каждого встречного. Если же я обнаружу сокровища и благополучно доставлю их вашему величеству, тогда мой труд будет наконец вознагражден и моя верность вам будет доказана навсегда!..

Король охотно слушал мошенника, да и все остальные поверили этой архаичной лжи. Один только волк Изергим не сдержался. Злобно скрежеща зубами, он вскочил со своего места и воскликнул:

— Так, государь! Вы опять поверили этому вору, который уже столько раз обманывал вас? Или вы не видите, что мошенник снова обошел вас, всех нас оклеветав? Он ведь в жизни правды не скажет и будет беспардонно лгать, покуда не сдохнет! Нет, от меня он так легко не уйдет! Вы убедитесь, какой это лживый прохвост! Мне известны три его преступления, и он ответит за них, хотя бы дело пахло смертельной схваткой! Тут был разговор о свидетелях, но какой в них толк? Как бы они его ни уличали, мерзавец все повернет, как захочет. Ну, а если свидетелей нет? Выходит, что тогда преступник может и дальше совершать преступления? Да и кто же решится выступить против этого рыжего негодяя? Он всех оплюет и утопит! Нет, теперь я буду судить его по-своему! Берегись ты, разбойник!

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Началось новое судебное заседание. Волк Изергим приступил к обвинению:

— Сейчас вы поймете, мой справедливый государь, — так начал он свою речь, — что Рейнеке был негодяем, негодяем остался и ничем другим никогда не будет. Много наплел он тут разных гнусных историй, чтобы обесчестить меня и весь мой род. Недаром он всегда старался причинить горе мне и моим близким.

Однажды он уговорил мою жену Гирмунду переправиться через болото к пруду. Рейнеке уверял ее, что там она может за один день наловить целую гору рыбы. Для этого, мол, ей стоит только погрузить свой хвост в воду и сидеть, дожидаясь улова: к ее хвосту прицепится столько рыбы, что нам всей семьей ее не осилить.

Сначала вброд, затем вплавь добрались они до плотины.

«Вот здесь тебе надо погрузить свой хвост!» — сказал лис моей жене.

Гирмунда так и сделала. Холодало. К вечеру ударил жестокий мороз, воду затянуло льдом, и хвост Гирмунды так примерз, что она уже не могла сдвинуться с места. Ну, жена и решила, что рыжий плут сказал правду и к ее хвосту действительно прицепилось очень много рыбы.

В это время я как раз проходил по берегу и услышал отчаянный крик моей Гирмунды. Гляжу: бедняжка не может шевельнуться, а Рейнеке вокруг нее прыгает, бьет ее лапами, дразнит и всячески над нею издевается.

«Рейнеке! — закричал я. — Что ты делаешь, мерзавец!»

Он оглянулся и убежал прочь. А я еще долго возился в ледяной воде, ломал и грыз лед вокруг Гирмунды, чтобы выручить бедняжку. Увы, все кончилось далеко не благополучно. Гирмунда в нетерпении рванулась — и четверть ее хвоста так и осталась во льду.

Жена громко взывала от боли. Крестьяне услышали и сбегались с вилами и топорами, а бабы даже с прялками. «Ловите их, бейте, тоните!» — горланили они. Натерпелся я страху, и Гирмунда тоже! Мы едва унесли ноги, а бежали так, что пар над нами клубился. И это несмотря на сильный мороз! Какой-то длинноногий верзила, отвратительный парень, все же догнал нас и долго преследовал, донимая на бегу своей пикой. Если б не ночь, нам бы от него не уйти!

К счастью, мы успели свернуть в прибрежный камыш. Сунуться туда в темноте крестьяне не посмели, и мы спаслись...

Вот, государь мой, в каких преступлениях обвиняю я лиса: наглый, жестокий обман, который мог стоить жизни моей жене, нанесенное ей тяжкое оскорбление и, наконец, убийство зайца и вороны. Покарайте же его, государь, строжайшей карой!

Король с явным неудовольствием выслушал жалобу волка.

— В этом деле разберется суд, — сказал он. — А теперь предоставим слово Рейнеке-лису.

Рейнеке тотчас выше вперед.

— Если бы дело обстояло именно так, как расписал его волк, — заговорил он, — это действительно не делало бы мне чести. Но в его словах нет и капли правды! Не отрицаю: я действительно научил волчицу ловить рыбу, указал ей дорогу к запруде и даже сам ее туда сопровождал. Но, едва слышав о рыбе, она так понеслась, что сразу забыла все мои наставления. Если она примерзла ко льду, то лишь потому, что слишком долго сидела. Стоило ей пораньше вытащить хвост, и она поймала бы рыбы на три или четыре обеда. Но ведь «волчьему нутру жадность не к добру». Гирмунда могла сама в этом убедиться.

Не вижу я с ее стороны благодарности и за свою бескорыстную помощь. Я не издевался над ней, а хотел выручить: пытался поднять и вытащить ее из воды, но она оказалась чересчур грузной. За этим занятием меня и застал Изергим. Он действительно шел берегом — увидел, как я хлопочу возле Гирмунды, начал кричать и злобно ругаться. Признаться, я даже испугался и подумал про себя: «Спасайся, Рейнеке, покуда не поздно! Помни: беглец не мертвец!» И по-моему, я рассудил весьма мудро: он меня разорвал бы в ключья. Волк всегда был злобным, таким он и остался. Можете спросить об этом его супругу...

Тут Гирмунда, не выдержав, вскочила со своего места.

— Вся ваша жизнь, все ваши поступки, — с презрением сказала она повеселевшему Рейнеке, — это сплошь плутни, коварство и пакости! Жестоко поплатится тот, кто вам поверит. Вы же знаменитый обманщик!

Взять хотя бы такой случай со мной: над колодцем висели два ведра. В одно из них — уж не знаю, право, зачем — уселись вы и спустились вниз. Однако подняться оттуда обратно вам уже не удалось. Как вы там хныкали, как скулили! Утром я проходила мимо и удивилась.

«Как это, — спрашиваю, — занесло вас в колодец?»

А вы мне оттуда кричите:

«Милая кумушка! Как вы кстати! Я приготовил здесь для вас угощение. Садитесь во второе ведро и живо спускайтесь! Рыбы тут уйма!»

Я дала себя одурачить, влезла во второе ведро, и оно сразу пошло вниз. Я в нем спускаюсь, а вы в своем ведре поднимаетесь мне навстречу. «Как это так, Рейнеке?» — спросила я в изумлении. А вы мне ехидно ответили: «Вверх и вниз — так уж оно в мире ведется, так получилось и с нами. Один понижается, другой возвышается — все зависит от личных качеств». Тут вы выскочили из ведра и убежали,

а я, убитая горем, весь день просидела в колодце и спаслась только под вечер. Но сколько побоев я перенесла!

К колодцу подошли крестьяне, и кто-то из них заметил меня. «Погляди-ка, в ведерке сидит наш старый враг, губитель овец!» — закричал он. «Тащи его наверх! — отозвался другой. — Уж я угощу его по заслугам! Разочтемся с ним за наших ягнят!» Как они встретили меня, и вспомнить страшно! Сколько ударов тут на меня обрушилось! Я едва уцелела!..

— Вдумайтесь в эту историю, — ответил ей Рейнеке с бессердечной ухмылкой, — и вам станет ясно, что побои пошли вам на пользу. Правда, лично я предпочитаю обходиться без них. Дело обстояло так, что кто-нибудь из нас двоих был бы неизбежно избит, поскольку мы не могли выбраться одновременно. Этот урок вам стоит запомнить: впредь не будьте такой легковверной!

Волк злобно щелкнул зубами:

— К чему еще доказательства? Никто не пакостил мне больше, чем этот негодяй! Я забыл вам еще рассказать, как однажды в Саксонии он завлек меня к обезьянам. По его наущению я влез там в какую-то пещеру, будь она проклята! И если бы я в ней замешкался, то остался бы без глаз и ушей. Лис уверил меня, что я встречу с его тетушкой — так он называл страшилище обезьяну, хозяйку пещеры. О, этот плут хорошо знал, что меня ждет, и был очень раздосадован, когда я спасся!

— Изергим что-то пугает, должно быть, он немного тронулся, — заявил тут Рейнеке, сделав легкий поклон господам придворным. — Уж если он взялся рассказывать об этой истории, то пусть бы рассказывал точно. А дело обстояло так.

Два с половиной года тому назад он собрался в Саксонию, чтобы развлечься и повеселиться. Я также отправился с ним. Это правда, а все остальное — глупая выдумка. В пещере жили не обезьяны, а какие-то гнусные обезьяньи выродки. И никакие они мне не родственники. Мартын-обезьянка и госпожа Рюкенау действительно доводятся мне дядей и тетей. Этим родством я горжусь. Мой дядя Мартын — весьма почтенный юрист. А этих пещерных тварей Изергим приписал мне в родство только в насмешку. Если хозяйка пещеры на кого и похожа, то разве что на дьявола из преисподней. Правда, я величал ту мерзкую старуху тетушкой, но знал, что делал: как говорится, хоть и было мне тошно, зато угостили роскошно. Впрочем, я желаю ей сдохнуть, старой ведьме!

Так вот однажды мы свернули с дороги, чтобы обойти гору, и увидели глубокую, мрачную пещеру. Изергим, как всегда, был голоден и зол. Кто же когда-нибудь видел волка сытым и довольным? Я сказал ему, что в этой пещере можно найти достаточно еды и, надеюсь, ее обитатели охотно с нами поделаются. «Милый племянничек, — возразил мне Изергим, — лучше я подожду вас под деревом: вы хитрее меня и легче завяжете с ними знакомство. А если предложат поест, вы меня позовете». Одним словом, бездельник не пожелал сам рисковать и решил выждать, чем закончится мой визит в пещеру.

Я отлично его понял, но все же, дрожа от страха, полез в пещеру и долго брел каким-то длинным извилистым ходом. То, что я увидел в его конце, было так ужасно, что еще раз увидеть это я не согласился бы и за целую гору золота. Это был притон отвратительных тварей, огромных и малых. Эта старуха-маменька — вот уж сущая дьяволица! Безобразно широкая пасть, длинные страшные зубы, длиннущие когти на длинных руках и предлинный хвост на самой спине! А детеныши так же уродливо-гадки! Настоящие чудища! Мамошка встретила меня таким взглядом, что мне стало жутко. Ростом она была побольше Изергима, а кое-кто из ее деток почти не уступал ей. Весь этот мерзкий выводок лежал вповалку на перепревшей соломе. А какая там была вонь! Сказать вам по совести, мне стало очень не по себе: их было слишком много, а я один.

Тогда я испробовал старое средство: вопреки своим истинным чувствам, я сердечно приветствовал их всех, назвал старуху тетушкой, а ее деток братцами, — короче, на слова я не скупился.

«Дай бог вам счастья на многие годы! — сказал я. — Все это ваши детишки? Как же они очаровательны! Так жизнерадостны! Так милостивы и приветливы! Бог мне свидетель, они выглядят чистокровными принцами. Я счастлив познакомиться с такой родней!»

Расхваливая ее детей, я обворожил старуху. Она отвечала мне тем же, назвала меня племянником и обласкала так, будто и впрямь состояла со мной в родстве.

«Рейнеке, наш драгоценный родственник, — сказала она, — милости просим! Как поживаете? Всю свою жизнь я буду благодарна вам за это посещение. Прошу вас преподать моим детям разные премудрости, чтобы они успевали в жизни...»

Видите, как много я выиграл, пожертвовав правдой. И все же я охотно сбежал бы оттуда. Так нет же! Она меня не отпускала:

«Мой милый племянник, куда вы так торопитесь? Я хочу угостить вас как следует!»

Тут она принесла мне столько еды! Не могу теперь все перечислить. «Где это все достается?» — думал я про себя. Отведал я рыбы, козули, вкуснейшей дичи! Вдобавок хозяйка дала мне еще дивный кусок свежей оленины для передачи моей семье.

«Заходите почаще, мы будем вас ждать», — сказала она мне на прощание. Я, конечно, обещал — давай бог ноги тем же длинным извилистым ходом до самого выхода.

Изергим встретил меня стопами. Я спросил его о здоровье.

«Прескверно, с голоду подыхаю», — ответил он мне. Я пожалел волка и отдал ему целиком весь оленин окорок, который он тут же сожрал. Тогда он был мне очень благодарен, но теперь все забыл. Быстро прикончив окорок, он спросил: «Кто проживает в этой пещере и как вас там приняли?» Я сказал ему всю правду.

«Это место ужасно, — объяснил я, — но лакомой снеди там сколько угодно. Идите смелее, но пусть всего опасайтесь говорить то, что вы на самом деле думаете».

Я даже повторил ему:

«Хотите добиться успеха — припрячьте правду подальше. Кто носит ее постоянно на языке, тот расплачивается за это неприятностями: такого гостя за стол не посадят. Что бы ни довелось вам увидеть, говорите лишь то, что всякому приятно выслушать, тогда к вам отнесутся по-дружески».

Изергим не послушал меня — и жестоко поплатился. Впрочем, так ему и надо! Ведь эти волки — народ неотесанный, грубый, тонкого обхождения и мудрых мыслей понять не в состоянии.

«Я сам знаю приличия!» — заносчиво буркнул он мне в ответ, ринулся в пещеру и там получил по заслугам.

Увидав страшную самку и ее детенышей, он, ошарашенный, крикнул:

«Ай, что за гнусные твари! И это все ваши родные щенки? Тогда утопите их скорее, чтоб это отродье не расплодилось на свете! Будь они моими, я бы их давно передушил!»

Ну, конечно, мамаша их рассвирепела:

«Какой дьявол прислал вас сюда грубить? Какое вам дело, красивы мои дети или безобразны? Только что здесь был мудрый и многоопытный Рейнеке-лис. Он понимает больше, чем вы. Он заверил меня, что мои дети милоты и благовоспитанны. Он хвалил их манеры и признался, что рад быть с ними в родстве. Вам не нравятся мои дети, да кто вас сюда звал?»

Тем не менее Изергим сразу же грубо потребовал от нее еды.

«Тащите сюда что-нибудь пожрать, а не то я и сам разыщу!»

Он и впрямь собирался было начать розыски, но, как говорится, это вышло ему боком. Страшная дьяволица набросилась на него и изодрала на нем шкуру зубами и когтями. Да и детки ее в стороне не остались. Волк взревел и пустился прочь.

Выскочил он из пещеры страшно истерзанным, шкура висела на нем ключьями, ухо было распорото надвое, нос ободран.

«Как видно, вы сказали ей правду?» — спросил я.

А он ответил:

«Что я думал, то и сказал. Проклятая ведьма! Как я изуродован! Вот здесь бы мне встретиться с ней — дорого бы она мне заплатила! Знаете, Рейнеке, никогда я не видывал таких отвратительных и злобных детей! В таком же роде я и их маменьке сказал».

«Вы спятили! — воскликнул я. — Ведь я же наставлял вас, простака, как себя вести. Вы должны были сказать: «Милая тетя, привет вам! Как счастлив я увидеть вас и моих старших и младших кузенов!»

Тут Изергим окончательно взбеленился.

«Величать тетушкой эту страшную ведьму?! — оборвал он меня. — А ее выродков — бррррр! — братцами?! К черту их! Такое родство и представить жутко! Тьфу! Что за гнусная шайка!»

Вот за что пострадал этот серый глупец! Посудите же, мой государь, может ли волк утверждать, что я его предал? Пусть он скажет сам, разве все было не так, как я только что рассказал?

— Этого спора словами нам не решить, — мрачно и решительно прохрипел волк Изергим. — Вы, Рейнеке, держитесь слишком нагло, и вызов на поединок — вот мой ответ! Вы чудесно изобразили, как я мучился голодом у обезьяньего логова и как щедро вы меня накормили. Еще бы: большущей, но уже обглоданной костью! Мясо вы, наверно, успели съесть раньше. Вы всегда надо мной глумитесь, всегда стараетесь как можно больше задеть мою честь. Подлой чудовищной ложью вы навлекли на меня подозрение в том, что я замыслил коварный заговор, что я покушался даже на жизнь нашего государя! А что вы наплели ему о ваших сокровищах?! Да, найти их действительно трудно! Как все, что не существует!

Вы оскорбили мою жену, и за это вы заплатите мне кровью! Как установлено обычаем, я бросаю вам перчатку — знак вызова на поединок. Вскоре мы встретимся в смертельном бою. Я говорю это в присутствии государя и всех наших баронов. Надеюсь увидеть их на поединке.

Рейнеке струхнул, хотя и не показывал виду. «Тут дело пахнет и достоянием и жизнью, — размышлял он. — Волк больше и сильнее меня, и если я не изловчусь, то мне будет худо». Но тут он вспомнил, что волк лишился когтей на передних лапах, и повеселел.

— Вы, Изергим, — обратился он к волку, — сами лжец и предатель! Все обвинения, которые вы осмелились мне предъявить, лживы! Вам угодно драться? Что ж, я готов, уклоняться не стану и в ответ бросаю вам свою перчатку!

После этого они оба подошли к королю и, согласно обычаю, вручили ему брошенные друг другу перчатки.

— Представьте своих поручителей в том, — сказал им король, — что завтра вы оба явитесь на поединок. Дело, я вижу, сильно запутано, и трудно понять, кто из вас прав.

Медведь Браун и кот Гинце поручились за волка, а за Рейнеке — его кузен, сын обезьяны Мартына, и барсук Гримбарт.

— Будьте спокойны и благоразумны, — сказала Рейнеке госпожа Рюкенау, мартышка. — Мой муж, ваш дядя Мартын, научил меня тайной молитве. Ее составил один ученый аббат Заглотайвас. Он даже собственноручно написал эту молитву на бумажке и дал ее моему мужу, сказав, что она помогает мужчинам в битве с противником. Я прочту ее над вами, и она даст вам уверенность, силу и бодрость.

— Я вам сердечно признателен, тетушка, — ответил лис. — Но больше всего на свете я надеюсь на свою правоту, на свою сметку и на свою ловкость...

Весь вечер лиса окружали его друзья, рассеивая веселой беседой его мрачные мысли. Больше всех заботилась о нем мартышка Рюкенау. Она приказала остричь его покороче с головы до хвоста и смазать его грудь и живот маслом и салом. Рейнеке сразу стал кругленьким, гладеньким, легким и скользким.

— Обдумайте свою тактику на поединке, посоветовала ему Рюкенау. — Выйдя на арену, намочите как следует свой пушистый хвост, обваляйте его в песке — и хлестните им волка несколько раз по глазам. Он ослепнет — и победа будет за вами. А теперь, мой милый племянник, ложитесь спать. Мы вас разбудим. Сейчас я прочитаю над вами слова чудотворной молитвы, они укрепят вас.

Мартышка возложила руку на голову лиса и возгласила:

— «Онзелоп онвол сузепупо патиде рвонен мавотэ»[12]. Ну, в добрый час! Теперь вы спасены! — сказала Рюкенау.

Гримбарт повторил за ней слова молитвы, после чего они уложили Рейнеке спать. Спал он спокойно. А чуть только взошло солнце, барсук и выдра пришли, чтобы его разбудить и приветствовать:

— Доброго утра! Пора вставать!

Выдра подала ему свеженького утенка:

— Кушайте, братец! Приятного вам аппетита!

— Хороший почин! — бодро ответил ой Рейнеке. — Разве можно устоять перед таким соблазном! Большое вам спасибо!

Утенка он съел с большим удовольствием и, окруженный родней и друзьями, гордо направился к песчаной арене, предназначенной для поединков.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Когда король увидел Рейнеке, гладко остриженного и до блеска натертого маслом и салом, он покатился со смеху:

— Кто научил тебя этому, лис?! Как видно, недаром лисья порода хитрой зовется: вечные фокусы, плутни, увертки! Везде ты умеешь найти лазейку и выйти сухим из воды!

Рейнеке отвесил глубокий поклон королю, особый поклон королеве и вприпрыжку, как будто совсем не испытывал страха, вступил на арену. Волк, в окружении родных и друзей, был уже там. Тут появились маршалы ристалища[13] — ягуар с леопардом, обязанные наблюдать, чтобы поединок проходил по всем правилам, и приняли от обоих присягу.

Изергим присягал бурно, глаза его пылали яростью; он утверждал, что Рейнеке — вор, предатель, убийца, уличенный не раз в самых преступных делах, что он лжив до мозга костей, и теперь только смерть их рассудит.

Рейнеке клялся, что не виноват ни в чем и что волк Изергим лжет даже под присягой.

Маршалы остановили их:

— Нет смысла в вашем словесном споре — правда сама вскоре обнаружится.

Все покинули арену. На ней остались только двое противников.

— Помните, что я вам говорила, — успела шепнуть лису мартышка. — Соблюдайте мои советы!

— Не бойтесь, — бодро ответил Рейнеке. — Моя смелость и моя хитрость не раз выручали меня в переделках гораздо опаснее этой, когда приходилось что-либо приобретать, разумеется, в долг, и к тому же бессрочный. Так неужели я не справлюсь сегодня с этим злодеем? Я осрамлю его вместе со всем его родом и прослаблю себя и своих близких.

Изергим сразу рассвирепел. С разинутой пастью он грозно ринулся на противника. Рейнеке, более легкий, чем волк, успел увернуться. Он проволок по песчаной арене свой пушистый хвост, который заранее успел намочить, и когда Изергиму казалось, что лис уже у него в лапах, тот неожиданно хлестнул его хвостом по глазам. Затем лис отбежал в сторону, стал против ветра и торопливо заработал лапами, засыпая волку глаза песчаной пылью, пока окончательно не ослепил его. И тут плохо пришлось Изергиму! Видя, как страшно слезятся от боли волчьих глаза, Рейнеке бешено набросился на него, пустив в ход зубы и когти и не забывая при этом то и дело шлепать волка хвостом по глазам. Изергим обезумел. Он вертелся и топтался на месте, а Рейнеке нагло над ним издевался:

— Сударь мой волк! Много кротких овечек и невинных зверюшек скушали вы за свою жизнь. Уж теперь-то их родня заживет припеваючи. На этот раз вам от меня живым не уйти!

Быстро выпалив все это, Рейнеке крепко схватил волка за горло. Но Изергим был намного сильнее и сумел вырваться. Тогда Рейнеке вцепился ему в морду и вырвал у волка один глаз. Видя, как Изергим обливается кровью, лис возликовал.

— Какая удача! — воскликнул он.

Волк в ярости, забыв о своих ранах, прыгнул на Рейнеке, повалил его и прижал к земле. Напрасно лис призывал на помощь свое хитроумие: Изергим стиснул зубами его переднюю лапу и держал ее мертвой хваткой.

— Негодяй, — прохрипел он, — пробил твой час! Немедленно сдавайся, или я прикончу тебя на месте! Я расплачусь с тобой за все твои злодеяния и плутни. Ты потрудились немало: остриг свою шкуру, намазался жиром, сумел меня ослепить. Но теперь ты не улизнешь! Горе тебе! Или сдавайся, или будешь растерзан!

«Плохи мои дела, — подумал Рейнеке. — На что мне решиться? Не сдамся — погибну; сдамся — буду навек опозорен. Да, я виноват: я всегда дразнил волка и слишком грубо его оскорблял».

— Дорогой мой дядюшка, — сказал он, решив смягчить волчий гнев сладенькой речью, — я готов вам поклясться самой священной клятвой, что отныне я до конца моей жизни со всем моим родом буду вам подчиняться. Дайте ваше согласие, и я помогу вам стать владыкой всего государства. Все, что поймаю, буду вам приносить. Обязуюсь также помогать вам в трудных случаях добрым советом. Я знаменит своей хитростью, вы — своей силой, значит, вместе мы сможем делать большие дела. Но для этого нам нужно теснее держаться друг друга!

Наша драка, в сущности, глупость. Я не начинал бы ее, но вы бросили мне вызов, и я должен был его принять. При этом я думал про себя: «Рейнеке, дело идет о чести, но ты должен быть снисходителен к своему дяде». Правда, я нечаянно задел вам глаз, но утешаю себя тем, что знаю одно верное средство, которым я вас вылечу. А если даже глаз пропадет, то вам же будет легче: ложась спать, вам придется закрывать лишь одно окошко. А двуглазому — двойная работа.

Я прикажу всей своей родне низко вам кланяться и на глазах у короля умолять вас простить меня и даровать мне жизнь. Я сознаюсь, что клеветал на вас и сочинял про вас небылицы. Я поклянусь, что не знаю о вас ничего худого и никогда больше не буду вас позорить. Что вам за польза убивать меня, а потом всю жизнь опасаться кровной мести моих родных и друзей? А если вы меня пощадите, все признают вас благородным и мудрым, ибо истинно над всеми возвышен тот, кто великодушен...

— Хитрый лисонька! — ответил волк. — Ах, как тебе хочется освободиться и остаться в живых! Но если б весь мир был сотворен из золота и ты бы предложил его мне, я бы тебя все равно не пощадил. Мало ли ты меня обманывал! О лживый пройдоха! Как бы ты издевался надо мной, если б я развесил уши и отпустил тебя! Надо совершенно тебя не знать, чтобы поверить тебе хоть самую малость. Много горя и позора причинил ты мне и Гирмунде и за это поплатишься жизнью!

Так говорил волк. А рыжий пройдоха между тем исхитрился просунуть свою вторую, свободную лапу под волчий живот и нанес ему такой сильный удар, что Изергим взвыл от боли и невольно разинул пасть. Рейнеке воспользовался этим, вмиг выдернул лапу из волчьей разинутой пасти и, освободившись, вновь вцепился зубами и когтями в живот и горло волка. Изергим тщетно пытался освободиться. Обливаясь кровью, он все больше слабел и, наконец, обессилев, терпя ужасные муки, стал терять сознание. Рейнеке ликовал. Он продолжал терзать беззащитного волка и, как падаль, волочил по земле, чтобы каждый видел его унижение.

Родные и друзья Изергима с громкими воплями умоляли короля остановить этот жестокий поединок. Король согласился. Он дал приказ ягуару Линксу и леопарду Лупардусу остановить противников. Оба маршала ристалища тотчас вступили на арену.

— Довольно! — сказали они Рейнеке-лису. — Король распорядился прекратить борьбу. Всем и так ясно, что победитель вы. Ваше мужество заслужило одобрение самых почтенных придворных. Все они отныне ваши сторонники.

— Я докажу свою благодарность, — ответил им Рейнеке, — и с радостью исполню королевскую волю. Я победил! Большого торжества мне в жизни не испытать!

Тут к победителю бросились все его родичи — бобры, барсуки, обезьяны и выдры и много новых друзей: горностаи, куницы, ласки и белки. Даже те, кто прежде с ним враждовал, кому даже имя его было ненавистно, напрашивались теперь к нему в родственники и притащили с собой своих жен и детей. Все лебезили перед лисом и льстили ему. Так, к сожалению, часто бывает: к счастливым отовсюду валят друзья, а неудачникам остается одно — набраться терпения.

— Вы сегодня прославили и себя самого, и весь ваш род! — твердили Рейнеке разные подхалимы. — Ах, как мы огорчились, когда казалось, ваш противник вот-вот вас одолеет. И вдруг как быстро все переменялось! Вот это был фокус! Необыкновенный!

— Благодарю вас, — ответил Рейнеке, — мне просто повезло!

Сопровождаемый обоими маршалами ристалища, лис подошел к королевскому трону и очень картинно пал на колени.

— Встаньте! — громогласно провозгласил король. — Вы достойно защищали свою честь и вышли победителем! Я объявляю вас свободным. Все кары, грозившие вам, я отменяю!

— О государь, — скромно ответил Рейнеке, — вы сами знаете, сколько обвинителей я встретил при вашем дворе. Все они лгали в угоду моему врагу — волку, который пытался меня погубить. Все они старались меня затравить и уничтожить. Но лишь потому, что Изергим находился у вас в чести больше, чем я. Никто не думал, что правда так неожиданно восторжествует!

Моих недругов можно было бы сравнить с собаками из известной басни, которые обычно торчали перед кухней, надеясь, что повар бросит им несколько косточек. Как-то одному из этих псов удалось выкрасть у повара большой кусок вареного мяса. Выкрасть-то он его выкрал, но оказался не слишком расторопным, и повар успел ошпарить ему хвост.

«Вы видите, — умилялись остальные собаки, заметив мясо в зубах своего товарища, — вы видите, как повар его любит! Каким

завтраком он его угостил!»

«Глупо вы судите! — ответил им воришка. — Чем любоваться куском мяса у меня во рту, посмотрите-ка лучше на мой зад. Тогда вы не скажете, что я счастливчик!»

Они посмотрели — и ужаснулись! Зад был весь обварен, волосы на нем повылезли, кожа сморщилась. Покинув несчастного, собаки в страхе разбежались, и с тех пор никто из них не старался пробраться на кухню.

Это, мой государь, притча о жадных. Пока им везет, от друзей отбоя нет. Часами готовы смотреть им в рот: ведь у них в зубах лакомый кусок! Тот, кто им не льстит, может дорого поплатиться. К ним подлизываются, расхваливают даже самые скверные их поступки и тем самым толкают на противозаконные действия. Но такие часто плохо кончают: они с позором лишаются и власти, и выгод. Никто их больше не терпит, из шкуры их выпадает волос за волосом... Иными словами, все прежние подхалимы от них отрекаются. И вот они голы! Так и собачья свора покинула своего собрата, едва увидела его увечье.

Согласитесь, однако, мой государь, что никто не скажет ничего подобного о Рейнеке-лисе. Мои друзья меня стыдиться не будут! О, как благодарен я вашему величеству! Только бы мне всегда знать вашу волю, я бы неукоснительно ее выполнял!

— Послушайте, Рейнеке, — заметил король, — лишние речи теперь неуместны. Вы — благородный барон, и мне угодно видеть вас, как прежде, в моем тайном совете. Возвращаю вам власть и почет и надеюсь, что вы их оправдаете. Признаюсь, я не могу без вас обходиться. Если б вы сочетали с вашим высоким умом достойное поведение, вам не было б равных! А жалоб на вас впредь я даже слушать не буду!.. Выступайте теперь за меня с речами, действуйте всюду как мой первый министр. Я передам вам даже печать королевства, и все, что вы ни подпишете, будет исполнено...

Лис рассыпался в благодарностях.

— Мой повелитель! — воскликнул он. — Чем заслужил я такую высокую честь? Поверьте мне, этого я никогда не забуду!..

... Тем временем волк, тяжело израненный, лежал на арене. При нем находились его жена, дети, все родственники и друзья — кот Гинце и медведь Браун. С плачем они уложили его на носилки и унесли. Когда сосчитали его раны, то их оказалось целых двадцать шесть! Пришли хирурги, перевязали его, дали ему капель и втерли в уши особое зелье.

Волка уложили в постель. Он ненадолго уснул, но вскоре проснулся, мучимый стыдом и страданием, и безутешно, жалобно всхлипывал. Волчица Гирмунда в глубокой печали преданно ухаживала за мужем, подавленная великой бедой, свалившейся на их семейство, и грозящими невзгодами. Жалко ей было себя, своих детей и друзей, тяжело было видеть страдания мужа. Вскоре он умер...

... А Рейнеке, очень довольный всем происшедшим, оживленно болтал с друзьями, наслаждаясь их лестью. Он был в чудесном настроении. Король дал ему на прощание конвой и любезно сказал:

— Жду вас как можно скорее обратно!

Рейнеке встал на колени и долго благодарил государя, его супругу и придворных баронов. Потом он распростился, чтобы вернуться домой, в Малепартус, — успокоить и обрадовать семью радостными вестями.

Лис шествовал во главе целой свиты сородичей. Он сиял от счастья и распустил свой пушистый хвост особенно пышно. Еще бы! Он был снова в милости у короля, снова стал членом совета и даже первым министром! По дороге он обдумывал, как использует свое положение и наградит всех тех, кто был ему предан.

Дома его с восторгом встретили жена и дети. На вопрос, как ему и на этот раз удалось уцелеть, он рассмеялся:

— А вот удалось!

И лис рассказал, как он осилил волка на поединке, как обласкан был государем, в какой он снова чести и какой высокой властью обладает теперь в государстве.

Госпожа Эрмелина-лисица была счастлива. Ликовали также их сорванцы лисята. Они между собой похвалялись: «Наш папенька важная персона! Теперь мы заживем в чести и довольстве и нам некого будет бояться!»

Так возвысился Рейнеке-лис бесстыжий, бессовестный плут, мошенник, грабитель, предатель, убийца, льстец, хитрец и подлец!

Так приобрел он силу и власть, и каждый его совет или приказ полезный или вредный стал непреложным законом для всех.

Многие из той же лисьей породы обладают таким же талантом, как у него. А если их бороды не рыжие значит, крашены! Научитесь распознавать этих плутов!

Обратитесь же к мудрости все, кто купил и прочел эту книгу, в которой сочинитель смешал выдумку с правдой, чтобы каждый отличал добро от зла и от зла сторонился, а к добру стремился!

Вот чему учит эта книга!

ПОЭМА О ЛИСЕ

В поэме Гёте «Рейнеке-лис» изображено звериное царство. Лев по имени Нобель — король, повелитель зверей; его окружают рыцари и бароны: тупой и грузный медведь Браун, злой и грубый волк Изергим, набожный барсук Гримбарт, хитрый и изворотливый лис Рейнеке.

Звери ведут себя как феодалы в средние века: воюют друг с другом, защищают свои замки, плетут придворные интриги, устраивают поединки, совершают паломничества. Державный лев и его бароны грабят и терзают малых и слабых — зайцев, овец, кур. Хитрый Рейнеке, живущий в неприступном замке Малепартус, умеет обдирать свои делишки не грубой силой, а ловкостью и коварством. Он выходит победителем из всех столкновений с другими баронами и самим королем и становится первым сановником королевства. Таким образом, под обликом зверей в поэме изображены люди, под видом звериного царства — феодальное общество с его королями и придворными, рыцарями и баронами, священниками и монахами, угнетателями и угнетенными.

Сказка? Да, сказка о животных, но выросшая в обширную поэму или роман в стихах с многими любопытными эпизодами и приключениями. В этой сказке, строго говоря, нет ничего сказочного, волшебного, кроме того, что люди наряжены зверьми или зверям приписаны человеческие чувства и нравы. И завершается она не счастливым сказочным концом, а жизненно правдивым и полным горечи: зло торжествует, злодей не наказан, а добивается почета и власти. Сказка о лисе представляет собой глубоко реалистичную сатирическую панораму жизни людей в средние века, в период феодального строя.

Поэму Гёте (в нашей книге она пересказана в прозе) с интересом прочтет и тот, кто любит сказки, и тот, кто любит историю.

Великий немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гёте не придумал сюжет поэмы. Он обработал средневековое произведение — «Роман о Лисе» — одно из выдающихся произведений средневековой народной литературы.

Познакомимся кратко с историей этого романа — самой знаменитой и, пожалуй, самой замечательной сказкой о животных.

Когда вы будете читать поэму, то некоторые ее эпизоды, наверно, покажутся вам знакомыми. Вот лис притворился мертвым, и проезжавший мимо крестьянин швырнул его на телегу, на которой он вез рыбу. Крестьянин размечтался о том, как он подарит лисью шкуру жене, а лис между тем побросал незаметно всю рыбу на дорогу и спрыгнул вслед за ней. Или другая проделка лиса. Он дал волку совет половить рыбу в проруби, опустив в нее хвост. Волк ждал улова, пока его хвост не примерз ко льду, и мужики больно поколотили незадачливого рыбака. Но ведь это русские народные сказки! Как они попали в поэму о лисе? Дело в том, что подобные сказочные сюжеты бытовали и у французского народа, и у других народов.

Сказки о животных возникли в то далекое время, когда первобытные люди обожествляли зверей и птиц, поклонялись им, наделяли их человеческими мыслями и чувствами, во всем уподобляли людям. Постепенно эти древнейшие религиозные представления отмерли, сменились верой в богов, а сказки о животных сохранились, дожили до наших дней. Некоторые мотивы романа о лисе уходят в глубочайшую древность.

Животные, с которыми мы встречаемся в романе о лисе и в поэме Гёте, — это хорошо всем знакомые дикие и домашние звери и птицы европейских стран: волк, медведь, барсук, лиса, баран, петух, кот и т. п. Откуда же в поэме о лисе образ царя зверей льва, которого не было в сказках большинства европейских народов? (Самым сильным или царственным в них обычно выступает медведь.)

Образ льва напоминает о другом источнике романа о лисе — древнегреческих и древнеримских баснях. В Древней Греции были распространены сборники басен, приписываемых Эзопу. Под именем эзоповских они и вошли в мировую литературу. Позднее их перевели на латинский язык. В средневековой Европе эзоповские басни усердно переписывали и хорошо знали.

XII и XIII века были временем подъема средневековых городов. Горожане вели неустанную борьбу с феодалами за свои права и вольности. В литературных произведениях, созданных в городах Западной Европы, осмеивались грубость и глупость рыцарей, лицемерие и жадность монахов, разоблачались хищники и притеснители трудового народа.

Героем подобных сатирических рассказов, возникших в средневековых городах, часто выступает находчивый и сметливый горожанин, ловко обманывающий глупого рыцаря или жадного монаха.

Народные сказки и древние басни, вращаясь в городской среде, были дополнены сатирическими рассказами и повестями о забавных или поучительных происшествиях из окружающей жизни. Так сложился животный эпос[14] средневековья — «Роман о Лисе», который состоял из 27 частей, или, как тогда говорили, ветвей.

«Роман о Лисе» представляет собой не цельное и законченное произведение, а ряд эпизодов, сочиненных разными авторами и в разное время и мало согласованных между собой. В поэме Гёте вы не найдете этих эпизодов.

Однако, читая ее, вы заметите, что первые шесть песен, или глав, составляют как бы отдельное повествование со своей завязкой и развязкой. Звери приносят королю Нобелю жалобы на лиса. Рейнеке требуют к ответу. Он долго уклоняется от явки на суд и строит всяческие козни королевским посланцам — медведю и коту. Наконец, исповедовавшись барсuku Гримбарту, он является на суд. Рейнеке приговаривают к смерти, но путем ловкой выдумки он избегает гибели, и Нобель разрешает ему отправиться в Рим замаливать грехи. А в седьмой песне приключения лиса начинаются заново. Он совершает новые преступления, за ним снова отправляется Гримбарт, и Рейнеке, представ перед королем, прибегает к новым уловкам и хитростям. Поэма словно распадается на две поэмы, объединенные не единством фабулы, развития событий, а только общностью действующих лиц.

Объясняется это так. «Роман о Лисе» приобрел огромную популярность во Франции. Из Франции он был перенесен в другие страны. В Нидерландах была переведена 20-я часть (ветвь) французского оригинала; содержание ее соответствовало тому, что рассказано в первых шести песнях поэмы Гёте. А через сто лет перевели 24-ю часть «Романа о Лисе»; в этой части рассказывалось о том, о чем мы читаем теперь в седьмой — двенадцатой песнях поэмы. Обе части соединили, не заботясь об их согласовании. Так возникла нидерландская версия романа, получившая название «История Рейнерта» (Лис Ренар стал Рейнертом). В 1498 г. в городе Любеке в Германии был напечатан перевод «истории Рейнерта» на немецкий язык. Ее герой вновь немного изменил свое имя: книга была названа «Рейнеке-лис».

«Рейнеке-лис» приобрел известность в Германии. Книга издавалась много раз. Но прошли века, и средневековый немецкий язык стал

непонятен в Германии (как мы теперь многое не поймем в русском языке XV века). Немецкий поэт Готшед в 1752 г. перевел средневековую поэму на современный ему немецкий литературный язык.

Эта книга и привлекла внимание Гёте. В пору создания «Рейнеке-лиса» Гёте увлекался литературой и искусством Древней Греции и Древнего Рима. Свою поэму он написал гекзаметром — стихотворным размером, каким написаны поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» и поэма Вергилия «Энеида». «Рейнеке-лис» вышел в свет в 1794 году.

С этого времени началась новая жизнь поэмы о лисе. Мало кто читал теперь средневековый роман, а поэма Гёте известна во всем мире.

«Рейнеке-лис» — сатира на феодальное общество. Поэма обличает произвол правителей, господство грубой силы, продажность и лицемерие духовенства, жадность и жестокость феодальных господ. Не представляет труда обнаружить за масками животных реальные фигуры и иногда даже установить их место на феодальной лестнице. Так, о льве прямо говорится, что он — король, и лев действует как король, повелевающий своими вассалами. Грузный, неподатливый, важный медведь Браун — крупный феодал; жадный, часто голодный, рыщущий в поисках добычи волк Изергим — рыцарь помельче.

Можно заметить, что вассалы не склонны безропотно подчиняться всем повелениям короля. Лис то медлит выполнить его волю, то морочит ему голову. Лев Нобель и сам опасается лиса, род которого «знатен, велик и имеет много приспешников-рыцарей». Вассалы каждодневно и безнаказанно нарушают указ своего владыки о «королевском мире». Откуда эта слабость короля, изображенная в поэме с едкой иронией? Вспомним, что роман о лисе сложился в XII–XIII веках, в пору феодальной раздробленности. Королевская власть была тогда далеко не всесильной, и это отразилось на облике и поведении льва-короля в поэме.

Более сложной, двойственной является фигура самого Рейнеке. Лис живет в замке, его род «знатен и велик». Грабитель и насильник, он действует как типичный рыцарь. Но своей ловкостью, изворотливостью, деловитостью Рейнеке напоминает не феодала, а богатого горожанина, хищника нового, буржуазного склада. Рейнеке произносит гневные речи о тогдашних порядках. Бесстыжие и циничные в устах коварного Рейнеке, они в то же время правдиво рисуют положение в мире, где господствуют «обман, клевета, предательство, грабеж и разбой», где принято «мелких воришек вешать, а крупных грабителей — наградами тешить».

Лис, волк, медведь — «великие». А кто же «малые»? Очевидно, петух, заяц, баран. Именно они страдают от хищничества «великих», от королевского произвола. Однако и эти «малые» занимают свое место при королевском дворе. Так, заяц Лямпе — королевский письмоносец; баран Бэллин — придворный священник. Создается впечатление, что в поэме представлены только те, кто находился на нижних или верхних ступенях феодальной лестницы, и нет тех, на ком держалась вся эта лестница, нет простого народа.

Сказка имеет свои законы. Звери наделены в ней чертами людей, но они сохраняют и свои естественные свойства. Они попадают в капканы, спасаются бегством от гончих, боятся людей и т. п. Не будем требовать от сказки строгого соответствия отношениям в обществе между людьми. Главное, она верно передает характер этих отношений. Баран действительно выступает сначала в роли придворного священника, и отождествление попа с бараном позволяет показать его тупость. Но позднее король отдает барана на растерзание волку. В поэме говорится: «Потомки барана и поныне терпят беспощадный разбой всесильного племени волков. Волки бешено терзают овец и ягнят и несчетно губят их, считая это своим наследственным правом». Баран и заяц по своему бесправию и беззащитности воспринимаются нами как угнетенный люд средневековья.

Сатирическая поэма, направленная против феодального строя, имеет и более широкое значение. Она обличает всякое общество, в котором «яйца поедает богатые, а беднякам достается одна скорлупа».

А. Завадьё

Примечания

- 1 Власяница — одежда из грубой, темного цвета шерсти, которую надевали на голое тело кающиеся грешники.
- 2 Католические монахи и священники выстригали себе на темени кружок, так называемую тонзуру.
- 3 Эммерих, или Эрманарих, был королем германского племени готов в IV веке; в средние века в Германии была распространена легенда о кладе Эммериха.
- 4 Святой землей называли Палестину, в которой, согласно легенде, жил Иисус Христос.
- 5 Паломник, или пилигрим, — богомolec, странствующий с целью посещения храмов, монастырей или Святой земли.
- 6 Капеллан — священник при домашней церкви короля или вельможи.
- 7 Галлина, пуллус, галлус, анас (gallina, pullus, gallus, anas) (лат.) — курица, цыпленок, петух, утка.
- 8 Легат — посол римского папы; прелат — высший католический сановник; аббат — настоятель (глава) монастыря; пробст — управляющий хозяйством монастыря.
- 9 Имена судей происходят от названия монет: динарий — древнеримская монета, дукат — серебряная или золотая монета в средние века.
- 10 В средневековой Германии обвиняемый мог вызвать обвинителя на судебный поединок перед лицом короля. Если обвиняемый терпел поражение, он признавался виновным и подвергался наказанию; если побеждал, то его объявляли невиновным.

11 Кромпард — персонаж средневекового романа в стихах «Клеомад, сын Кромпарда».

12 Если прочесть эту фразу с конца в обратном порядке, то получится: «Это вам не повредит, а попу безусловно полезно».

13 Маршал — одно из высших придворных и военных званий; ристалище — площадка для рыцарских турниров и судебных поединков.

14 Эпос — обширное повествовательное произведение в стихах или прозе.